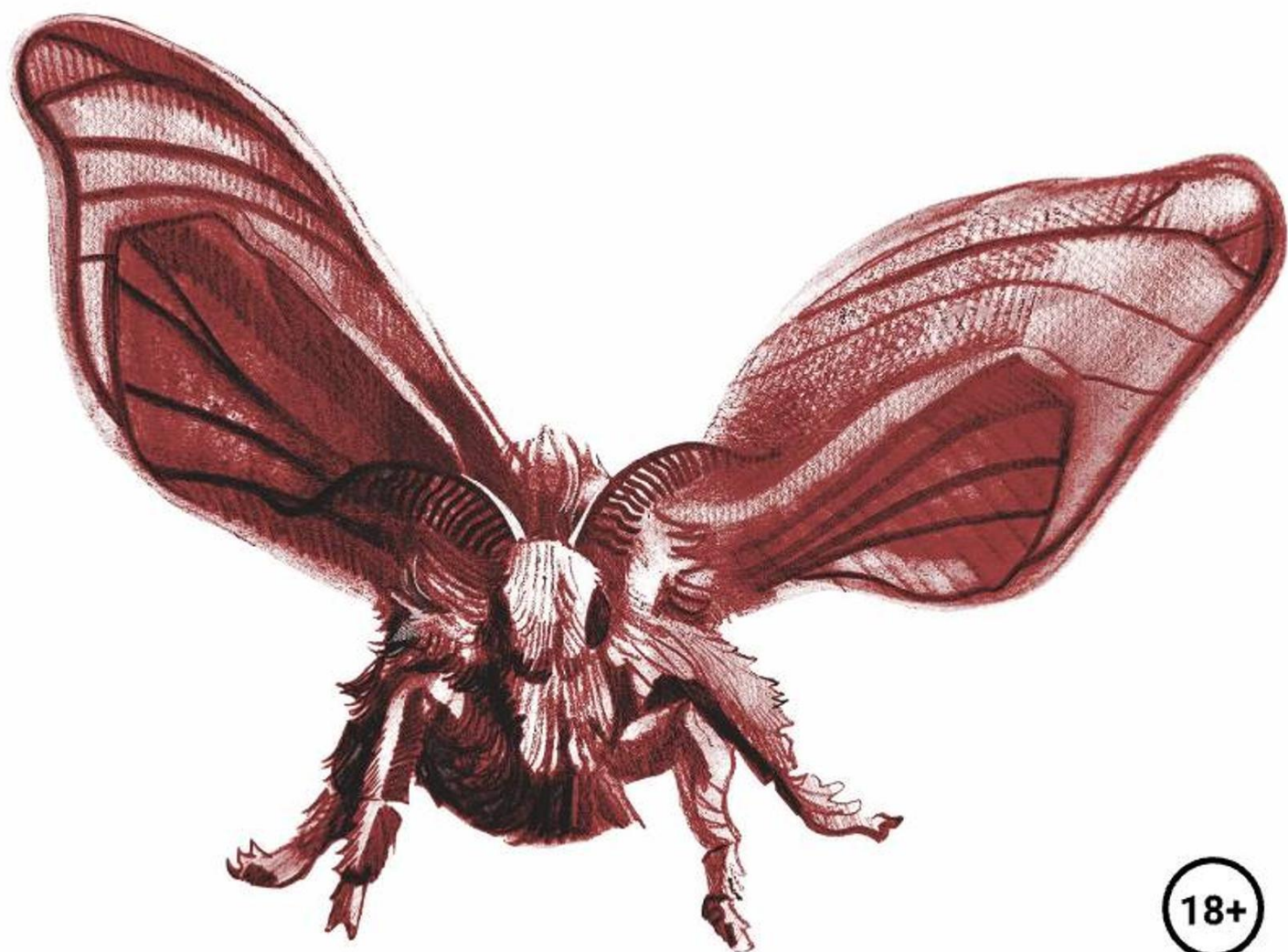

Александр Бендерский

Танцуя над пропастью Сеула

18+

Александр Бендерский
Танцуя над пропастью Сеула

«Автор»

2026

Бендерский А. А.

Танцуя над пропастью Сеула / А. А. Бендерский — «Автор»,
2026

Итог неясен до конца. Пробелов слишком много в данной книге. Порадовать читателя всегда не хватит строк, Сдувая пыль с крошечной видимости сей картины. И недосказанность всех граф покроет чёрной краской этот смог. Для любопытных ярких глаз здесь автор будет расшивать рассказ, К обратной логике взывая, открыть свой разум призывая. Минуты за минутой врозь, раскрыть секрет, кто есть Тхальчхум, не удалось. И как Хванин задул все свечи? И почему в ключице боль? И кто на лавке у часовни Оставил книгу белую, пойдя раскрой Нам надо знать все мелочи сполна, Чтобы спокойно спать ложиться ночью. Все диалоги, между прочим, Я выдумал нахрапом, поздней ночью, Как, впрочем, персонажей антураж Мне был совсем не важен и сейчас. И глупыми текстами пропечатаны сполна Мои немного грустные, тяжёлые карие глаза. Они старались объяснить Не то, что в книгах все так рьяно пишут. Они старались пробудить Те души, что меня слышат

© Бендерский А. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Вступление	7
ГЛАВА 1	8
Замаскированный страх	9
«Без любви жить легче. Но без неё нет смысла».	10
«Более же всего облекитесь в любовь, которая есть совокупность совершенства».	11
В век информационных технологий, медиа и коммуникаций	12
Это только начало пути	13
Россия. Наши дни. 04:10 AM	13
Рабочие будни среднего звена	15
Дикий рояль. Седжон	16
«Рассматривай жизнь как сон среди тысячи снов, а каждый сон как некий подступ к действительности. Проникнуть в неё ты сможешь, обладая магическим ключом».	17
Список моих желаний. Последний день Помпеи	18
Проиграл — значит выиграл.	20
«Тысячи свечей можно зажечь от единственной свечи, и жизнь её не станет короче. Счастья не становится меньше, когда им делишься».	22
Адово озеро	23
Сочельник. Юг России	23
Ведь не всегда важно, чьими глазами ты смотришь на этот мир	25
«Когда я познаю твою душу, я нарисую твои глаза...»	26
Миопия, принятая за основу	27
Играя в свои игры	28
«Игра — последовательность интересных выборов».	29
Господь воистину гениален	30
Вступая в невесомость	31
«Настоящая свобода обнаруживается не тогда, когда человек должен выбирать, а тогда, когда он сделал выбор».	33
Сброс до заводских настроек	34
Сознание есть декорация	36
В самый лютый шторм	37
Позже, ближе к ночи...	38
Портфолио антагониста	40
Я без тебя так обезвожен	41
Картинка в картинке	42
«Кинокамера всех нас превращает в туристов, глазеющих на чужую жизнь или на свою собственную».	44
ГЛАВА 2	45
Облачко по подписке	46
Прячь всё то, что снаружи, показывая, что внутри	48
Волшебство поёт в ночи, ты же знаешь, не молчи	49
И один в поле воин	50
Кто ты? Герой? Или громоотвод?	51
Двое смотрят в плену, третий видит пустоту	53

На чистоте небесной маски	55
Ракурс на падающую слезу	57
Интересные у Вас комиксы	60
Кто Вы? — Травник...	63
Если ты будешь как все, то кто тогда будет как ты?	67
Сигнал бодрствования. Реприза	71
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Александр Бендерский

Танцую над пропастью Сеула

Я знаю, что проиграю в этой жизни, но я буду и дальше пробивать волнами невесомость, пока моя тропинка не достигнет её вселенной... @radiobc26161

Вступление

Что есть один процент? Это целый мир...

ГЛАВА 1

Это только начало пути

Эта история стара как мир. Мир, интересующий людей всё больше и больше, поглощает ценность людской жизни и выплёвывает в яму небытия, чтобы потом сказать: «Ты не смог за отведённое для тебя время реализовать свои мечты и желания. Те самые желания, что переплетают твоё внутреннее сознание с внешним миром. Эта история про то, что любой человек хранит в глубине своей души: животный страх и бессмертную любовь.

Любовь — это бесстрашное чувство, толкающее нас в самые тёмные уголки небесного покровы, выжигающие душу любящего человека. Это самое истинное значение бытия, возникающее вследствие взрыва всего сущего на нашем отрезке пути.

Идя рука об руку, любовь и страх развеивают по ветру душевный дисбаланс, созданный улыбкой любимого человека. Человек преисполняется желанием любить, любить, плевав на весь мир, на все устои, на все запреты и обстоятельства, готовые похоронить его. Лишь улыбка любимой даёт ему почувствовать полёт над всем, что казалось ранее важным...

Перечеркнув все возможные грани, лелея её образ, он почувствовал себя в невесомости.

Человек, полюбивший однажды, больше не сможет быть прежним, его душа и мысли больше не его, они принадлежат той, что однажды приснилась ему.

В разных культурах есть множество различий, которые влияют на восприятие людей и их мышление. Все люди описывают любовь по-разному.

Одни говорят, что любовь — это связь химических элементов в нашем организме.

Другие описывают любовь как необходимый аспект для выживания человечества.

Третьи же просто влюбляются и сходят с ума от этого чувства.

Ведь жизнь такова, что все мы разные. Мы делимся по полу, национальности или взглядам на абсолютно разные слои населения, исповедующие право на удобную и комфортную жизнь. Любой прошедший день для человека — это в первую очередь набор чувств, ощущений и выбора, который мы несём через всю свою жизнь. Все наши мысли и чувства — это суть мы. Мы самые настоящие, не те фальшивки, что улыбаются в ответ другому, потому что навязанные социумом устои гласят об этом. Мы те, кто заходит в душ и остаётся сам со своими мыслями наедине. Мы те, кто лежит в своей кровати и анализирует весь день, придумывая себе отговорки в недосказанных словах или неисполненных поступках. Говорят, человек рождается один, один и уходит в небытие.

В процессе принятия жизненных решений человек постоянно пытается подстроить мир под себя. Все люди хотят лучшего, но лучшее не всем дано. Каким бы ни был человек, он всего лишь человек, и это здорово.

Что бы мы ни планировали для своей жизни, в один момент всё начинает пульсировать, меняться, рушиться: мечты, планы на будущее, отношения с другими людьми. Всё потому, что появляется страшный недуг, который люди привыкли называть любовью. Эта страшная болезнь, которую не смог излечить ни один врач на свете, поражает тебя в одно дуновение ветра, раскинувшего волосы на её лице. Этот недуг страшнее всего в этом мире, ведь только он заставляет людей делать то, на что они не способны априори.

Замаскированный страх

Когда любовь проникает в самое сердце, страх исчезает, но ненадолго. Страх становится тенью приложением. Он больше не может регулировать твоё чувство самосохранения, не может диктовать тебе, на что ты готов пойти или нет. Он ничего больше не может. Твои мысли окутаны любовью. Любовь так сильно проникает в мозг, что ты начинаешь бояться её потерять. Страх неудачи в любви обрисовывает картину постоянного цикла жизни, время от времени запускающего внутри тебя химические процессы, призывающие к решительным действиям. Она толкает человека на необдуманные поступки, лишь бы не чувствовать страх потери от бездействия. Быть может, создатель в своё время решил, что человечеству необходимо чувство столь сильное, что сможет затмить всё остальное на свете? В какой момент мы стали всем миром играть в русскую рулетку? Почему одни проклинают весь мир за то, что полюбили других, а другие и понятия не имеют, о чём все эти песни и фильмы? Почему, независимо от разных обстоятельств, люди влюбляются? Кто дал право богу решать за них? По каким критериям мы выбираем себе спутников? И выбираем ли? Есть множество различных слов для этого чувства, но никто в полной мере не сможет дать точное определение этому феномену. Закрывая глаза, любовь изменяет человека, меняя восприятие окружающей среды. Мир становится настолько ярким, что от взрыва в сердце тепло лавиной расходится по всему телу. От замены резкости картинки в глазах и безумного количества эндорфинов в организме у влюблённого человека появляются ручьи слёз на лице, ноги перестают слушаться, становится сложно говорить. Все чувства, отвечающие за взаимодействие с внешним и внутренним миром, начинают бунтовать! Способность принимать логические и поступательные решения становится чем-то запутанно-тяжёлым.

Мы все — всего лишь винтики внутри большого организма, что спрятаны во мгле.

У каждого винтика есть своя прошивка, которая предоставляет узконаправленную информацию о том, что необходимо сделать в данный момент. Если ты ребёнок — играй, школьник или студент — учись, взрослый — работай. С каждой стадией взросления у человека обновляется прошивка, меняется исходный код. Когда человек стареет, прошивку перестают обновлять. Небесный программист откладывает отработанный винтик и меняет его на другой. Такова сансара...

«Без любви жить легче. Но без неё нет смысла».

Лев Николаевич Толстой

В любой программе всегда может появиться ошибка, меняющая всё и всех на своём пути.

Ошибка меняет алгоритм винтика, который вопреки всему организму начинает крутиться в своём ритме и

направлении. В диапазоне между отчаянием и надеждой винтик больше не может поймать ритм заводских настроек. Со временем винтик меняет весь организм, такова суть всего сущего. Примечательно то, что небесный программист изначально задумал разные ошибки в системе, будто говоря, что организм только так сможет оживить себя и выжить. Получается, что ошибка была задумана? Значит, это уже не ошибка. Это самый глубокий смысл естества, который ни одному винтику не дано осознать, даже спустя тысячи лет. Мы допускаем любовь как ошибку, которая является важной составляющей нашего естества, и Толстой это понимал. Что может быть сильнее этого состояния души?

Быть может, смерть? Или время? Ничего... Любовь вездесуща. Любовь есть всё.

Сегодня я увидел человека в зеркале, за которого всё решил бог.

**«Более же всего облекитесь в любовь,
которая есть совокупность совершенства».**

Библия, «Послание апостола Павла к колоссянам», глава 3, стих 14

В век информационных технологий, медиа и коммуникаций

Мы можем делать вид, что в век информационных технологий добились превосходства во всех сферах жизни, о которых мечтали наши предки. Мы запускаем в космос ракеты в надежде там увидеть следы божьего промысла, мы покупаем разные косметические товары, состоящие из химии, в надежде на то, что сможем оттянуть неизбежное. Мы покупаем брендовую одежду и машины, чтобы потешить своё эго и быть как все. Человеческий мозг постоянно двигает парадигму прогресса, пытаясь догнать идеал. Но идеал всегда будет находиться на горизонте твоего познания, и чем ближе ты к нему, тем дальше он от тебя. Мы можем обманывать себя в том, что технологический прогресс необходим для мирного и процветающего будущего, но это лишь коммерция...

Сейчас есть множество вариаций для коммуникации людей по всему миру. В основе всего лежит интернет и социальные сети, а также живое общение. Но так ли всё просто? Легко ли найти того, кого ищешь? Запустив в голове процесс, именуемый мыслью, мы с лёгкостью нажимаем на сенсорный экран гаджета, чтобы найти интересующий нас магазин. Всевидящая паутина интернета готова вывалить всё, что знает, и даже больше. Остаётся только выбрать. Но почему это не работает с людьми? Почему человек не может нажатием клавиши на смартфоне влюбить в себя по уши того, кого любит? Правда в том, что мы, люди, — слишком высокого о себе мнения, наш эгоизм не даёт нам осознать нашу подлинную значимость в этой вселенной. Мы достигли того, что можем распространять свои мысли и другую информацию в мгновение ока как на тысячи километров, так и в веках. Но дойдёт ли эта информация до определённого человека, того самого, — это уже вопрос веры. А вера, как известно, будет созидать в твоём сердце, даже если у тебя имеется лишь один процент на счастье... Взяв в руку гаджет, можно с лёгкостью найти любого человека на этой планете, так мне казалось...

Это только начало пути

Россия. Наши дни. 04:10 AM

Сначала был сон.

В этом сне был облик девушки, туманный и в то же время предельно чёткий, будто мугунхва, летящая по ветру и знающая свой маршрут падения заранее. Девушка стояла в белом тонком шёлковом платье и смотрела на меня с такой теплотой в глазах, что я смог почувствовать через сон, насколько сильно купидон вонзил стрелу мне прямо в сердце. Стрела в моей груди была настолько больше моего циничного сердца, что её тяжесть, как наяву, в мгновение разорвала мою метафорическую плоть пополам. И вот я проснулся, не понимая, что только что произошло. А произошло, видимо, то, что я влюбился в облик. Так мне поначалу казалось... Проснувшись этой ночью, не успев открыть глаза, я услышал характерный звук пролетающих беспилотников, но не стал пытаться встать или открыть свои глаза. Я цеплялся за обрывки памяти, которые так сильно поразили меня. Девушка, что я видел, — кто она? Только этот вопрос интересовал меня этой ночью. Я пытался прокрутить в голове снова и снова этот облик, её лицо, глаза, нос и уши. Сон был настолько ясным, что пришлось открыть глаза на мгновение, чтобы показать мозгу, где я нахожусь. Я находился так же в своей комнате, где и ложился ранее спать. Говорят, хороший сон — от Бога, плохой сон — от дьявола. Но как мне проанализировать свой? Спустя 15 минут философских размышлений в кровати моё нутро приказало мне встать. В этот момент на телефон пришло оповещение: «Отбой беспилотной опасности по всей территории области». Но эта каждодневная мелочь меня совсем не беспокоила, ведь с этого дурацкого и непонятного сна я перестал быть самим собой. В один момент этот оазис, явившийся в моём сознании, перевернул абсолютно всё, вывернув меня наизнанку.

Пройдя не спеша на кухню, я осознал, что до утра уже не смогу заснуть, и включил чайник.

Через окно, которое ведёт во внутренний двор моего дома, я стал разглядывать бескрайнее и окутанное тьмой ночное небо. Временами пролетали стаи «Стрисиверов», рекламирующие новое открытие очередного жилищного комплекса. Будучи человеком циничным, я всегда относился ко всем тёплым чувствам, которые испытывают люди, крайне поверхностно. Любая теплота, исходящая от людей, воспринималась мной как фальшь и лицемерие. Мы всего лишь простая органика, возомнившая себя чем-то важным в этом мире. Мы боимся осознать, насколько мы ничтожны и хрупки; смотря друг на друга, мы строим планы на жизнь, в которой каждый хочет урвать кусочек своего счастья. Как известно, счастье у каждого своё. Книжки, песни и истории — всё это заставляет наше сердце биться сильнее обычного, всё потому, что нам необходим любой допинг, который может на толику секунды заставить почувствовать что-то более важное, чем своё «я». «Так что я помню?» — говорил я про себя, стоя в прихожей комнате перед ночным пейзажем за окном.

Это место было похоже на туманный Альбион. «Боже, как же жжёт область груди под левой ключицей», — подумал я. Я помню, как мелкие ручейки холода пронзали мои ноги, пока я стоял будто на земле, но земли под ногами не ощущал. Я находился в серо-белой неведомости, затуманенной прохладной росой, которую я не смог бы описать другими словами. Руки мои были опущены, а голова смотрела немного вверх, будто зная, где есть направление компаса этого измерения. Есть одна русская пословица, которая может описать происходящее в моей голове, пока я находился в кулуарах своего сознания. «В тихом омуте черти водятся» — подумал я, находясь в этом сне. В моменте пролетавшего клочка тумана, густота которого

была похожа на искусственный дым для съёмок фильмов, я заметил приближающийся объект. Поначалу он приближался так медленно, что в моём сознании пролетела мысль о том, что этот сон — очередной ужастик и всё происходящее точно не к добру. Пока объект двигался ко мне, я пытался поднять руки, чтобы быть готовым отбиться от того, что рисует мой разум, но руки были явно не под моим контролем. Они были опущены вниз, не подавая никаких признаков того, что я — их владелец. Поняв, что не могу контролировать этот сон, я подумал о старой хитрой практике, которую любят использовать люди, вводящие других в транс и выводящие оттуда. Это был фокус с криками. Когда человек не может контролировать себя во сне, он может попробовать закричать или даже заорать во весь голос, чтобы проснуться. Обычно это помогало мне, но эта ночь стала исключением из всех существующих в моём сознании правил. Возвращаясь к статистике, подчеркну: сон для меня является редким явлением, по крайней мере тот, о котором моё внутреннее «я» помнит. Если мы берём сухие цифры, то девять из десяти снов являются для меня плохими или даже жуткими. Но вопреки здравому смыслу я рад им. Многим в моём окружении сны снятся постоянно, но не мне. В год я могу вспомнить не более трех – пяти снов. Отчего следует, что для меня сон — в первую очередь это редкие атомы сознания, которые переплетаются сначала в изображение, а потом и в полноценный короткометражный фильм, смысл которого я оставляю себе право интерпретировать как хочу. Обычно после такого ужастика я просыпаюсь с ощущением, похожим на настроение чудака, выигравшего в лотерею миллионы. Возвращаясь к видению во сне, вспоминаю, что закричать я не смог, потому что было поздно: фигура была рядом. В один момент сущность с лицом девушки в белом платье, что стояла передо мной, посмотрела мне в глаза и слегка прищурилась, улыбаясь мне. Это был самый важный момент из того, что ранее я мог ощутить в своей жизни. Белое летнее кружевное платье из шёлка, небесные глаза, русые волосы, доходящие до плеч, славянская улыбка и широкие скулы — это всё, что смогла оставить мне память на то самое мгновение. Отвлёкшись на моего кота, который привлёк моё внимание своим трением мне об ногу, я посмотрел на часы, что стояли недалеко от окна.

«Пора на работу, — подумал я. — Все мысли необходимо забросить в чулан подсознания, чтобы потом окунуться в эту бездну с большей силой».

Рабочие будни среднего звена

Выходя из дома этим утром, вместо машинальной проходки к своей машине, что стояла в трёх метрах от меня, закрыв замок входной двери, я вдруг поймал себя на простой мысли.

«Если этот милый сердцу лик, который мне приснился этой ночью, действительно существует, нужно ли мне её найти? — задался я вопросом. — Или это просто больные мысли уставшего человека, с которым разум и фантазия решили поиграть весьма в суровые игры?» Подумав об этом, я сел в авто и тронулся в путь. Проезжая по дорогам этого очень южного города с очень дерзкими обитателями, я старался вглядываться в лица абсолютно всех людей, мелькающих в моём поле зрения. Я боялся пропустить её. Мне казалось, что я начинаю сходить с ума. Находясь в утренней пробке, я постарался проанализировать всю ситуацию целиком.

— Ночью приснился сон, он был крайне странным. Хорошо, бывает, — сказал я вслух. — Но почему тогда прямо сейчас, находясь в машине наяву, я будто чувствую её дыхание? С каждым дуновением пыльного ветра в салон автомобиля моя кожа чувствует её нежное тепло. Будто прямо сейчас она рядом и прислонилась ко мне...

В момент приходит осознание, что я задержал дыхание, потому что боюсь спугнуть этот миг. Я не знаю, как быстро, но машины, стоящие за мной, по всем законам жанра начали сигналить, а водители — крайне злобно смотреть на меня. Я нажал на педаль газа.

Чуть позднее настал временной отрезок рабочего дня. Опущу ненужные подробности рабочих будней, ибо они не имеют никакой важности для этого повествования. Но общее состояние и мой зомбированный вид в течение рабочего дня давали моим коллегам поводы для сплетен и странных вопросов, на которые я отвечал с полным арсеналом слов, описывающих мою язвительную натуру, как было принято культурой этого общества. Первый день, казалось мне, длился годами, пока на часах не наступило ровно 18:00. Попрощавшись со всеми коллегами, я сел в авто, открыл водительское окно и понадеялся на ветер, чтобы снова почувствовать её. Конечно же, через пять минут пошёл лютый град, град той силы, которая не церемонится ни с чем и оставляет явные вмятины на кузовном металле. Небо почернело в одно мгновение. Вместо того чтобы прикрыть окно, я высунул руку и стал ловить кусочки льда ладонью. В последний раз я делал это много лет назад — с отцом, которого теперь уже нет в живых. Я оглянулся по сторонам, но люди, как и машины, просто испарились; на парковке возле рабочего здания я был один. Рядом со зданием была дорога, по которой постоянно в любое время дня и ночи проезжали машины. Но чёрное небо, затянутое тучами, словно отгородило меня от всего сущего. Это было похоже на сон, будто что-то или кто-то втолкнул меня, машину и часть целого района в чёрную дыру.

Град стучал по машине, я сидел и осматривался по сторонам, пытаясь увидеть хоть кого-то, но всё было тщетно. Поняв, что я могу прямо сейчас остаться наедине со своими мыслями, я провернул ключ обратно, тем самым заглушив мотор. Я сидел на водительском сиденье, а мой взор был направлен на левую руку, в ладони которой понемногу собирался лёд. Несмотря на ноябрьский холод, пронзающий территории юга России, я почувствовал, как тёплое дыхание в мой затылок пустило молнию прохлады по всему моему позвоночнику. Часть волос на моей шее резко встали по стойке смирно. Смотря на мелкие обломки неба, именуемые кусочками льда, я почувствовал страх человека, который боится увидеть пустоту за собой...

Я смотрел на собранный лёд в ладони, боясь повернуться, а мой сон дышал мне в затылок. На минуту показалось, что время начало замедляться, как и падающие стеклянные частички этой жизни, оставляющие тёмные пятна на асфальте. Медленно, дрожащим голосом с низким тембром, свойственным взрослому мужчине, я тихо произнёс:

— Кто здесь? — одновременно возвращая левую руку в салон.

Дикий рояль. Седжон

Люди — удивительные существа: сначала они не верят в то, что видят, потом слепо верят в то, чего нет. С самого нашего рождения мы стараемся раскачать свои внутренние качели, чтобы как можно сильнее взлететь и стать ближе к тёплому потоку лучей солнца, которое олицетворяет всё самое лучшее в этой жизни. Задай вопрос любому человеку, хочет ли он обратно в детство, — и он ответит: «Хочу...» В начале нашего пути всё, что мы видим, для нас становится безусловно самым ярким и красочным, будь то снег, грязная лужа или воздушный шарик. Абсолютно всё приносит радость. Даже тутовый шелкопряд кажется не обделённым красотой, что предоставила ему природа. Все вариации развития нашего мира могли быть сшиты заранее тем самым шёлком, что уже более 5 000 лет добывают эти насекомые для нас. Ведь жизненный цикл этой милой бабочки схож с жизнью человека: яйцо, личинка с четырьмя линьками, куколка и, если сильно повезёт, бабочка.

Независимо от месторасположения этих существ, живут они, не осознавая своей истинной ценности. Благодаря этим созданиям иногда люди могут собрать свои сердца по крупинкам, всматриваясь друг другу в глаза. Находясь где-нибудь в центре Сеула, недалеко от района Нын-дон, в заведении под названием «Суп из свиных костей в Сомуннане (Somunnap Seongsu Gamjatang)», где временами происходит настоящая магия. Позднее двое людей сбросят с себя имитацию людской маски, впрочем, как и элементы ткацкого труда, которые гусеницы нарабатывали шелкопрядением. Тесные коммуникации — важный элемент между этими милыми созданиями — как людьми, так и виновниками производства шёлка.

Пустота на пассажирском сиденье говорила мне о самом разумном подходе к своей ситуации: я просто безумно переутомился. Размышления и умственные процессы, которые мне необходимы в профессиональной деятельности, ещё ни разу так не выбивали меня из колеи, как эти не прошедшие до конца сутки. Я завёл автомобиль и медленным ходом тронулся домой. Не спав всю ночь, отработав этот день, я был на удивление бодр и свеж. Возможно, тому поспособствовало бесчисленное количество кофеина, которого, как принято у представителей офисного планктона, было в организме в большем количестве, чем самой крови. Приехав домой, сняв одежду и покормив кота, я проглотил две таблетки мелатонина и сразу лёг спать...

«Рассматривай жизнь как сон среди тысячи снов, а каждый сон как некий подступ к действительности. Проникнуть в неё ты сможешь, обладая магическим ключом».

Карл Густав Юнг (1875—1961), швейцарский психолог

Во вторую ночь я спал спокойно. Химический привкус пилюль и явное превышение их дозы оказали на моё истерзанное мыслями сознание самое благоприятное действие. Меня вырубилло будто ударом молотка в затылок...

На следующее утро, а если точнее — в полдень, я пришёл в состояние бодрствования. Не успев открыть глаза, ощутил, как чувство не покидающей тревоги будто лавиной окатило меня. Этот бредовый сон и столь интригующий меня сюжет, повествующий о чертах лица незнакомки, в которую я успел влюбиться, не оставляли меня в покое. Презрительная физиономия кота, безумная жажда воды, прорезающие веки лучи солнца и полное недоумение от происходящего — это всё ожидало меня при пробуждении.

Список моих желаний. Последний день Помпеи

«А что, если бы сегодня был мой последний день на Земле?»

Список моих желаний, как и «губозакаточная машинка», не всегда могли тормозить моё раздутое эго. Этот сверхбыстрый паровоз, собирающий мои мечты и надежды, как вагоны, крутился бы вечно по этому шарик, называемому Землёй. Будучи человеком из простой прослойки общества, я всегда, как и многие другие, тяготел к прекрасному. В чём бы это прекрасное ни выражалось, я к этому тянулся. Озвучить весь мой список желаний было бы слишком банальным и долгим, поэтому я начну писать о том, что уже вычеркнул из него, то есть исполнил, а именно: я посадил дерево! Думаю, пока этого хватит.

Сам список, конечно, виртуален: мысленно записан на клочке жёлтой бумаги от рекламной брошюры фирмы «Pyunkang Yul», что валяется в углу справа от шкафчика с моими самыми тёмными мыслями. Может, когда-нибудь я смогу навести порядок в своей голове, но пока что мне необходимо разобраться с моей гостьей, которую я вписал на последнее оставшееся место на этом клочке бумаги. Какие именно слова я написал, пока что оставляю за кадром. Слова не важны, важна лишь моя искренность, которой они пропитаны.

Если бы все наши мечты и надежды исполнялись в одно мгновение, ценили бы мы их? Думаю, нет. Но смысл этой книги не в исполнении моей мечты, а в одном единственном проценте надежды на мелкую частичку счастья, записанном на последнем пустом месте обрывка бумаги, что хранится в моей голове. Если бы меня спросили о том, как бы я провёл мой последний день на земле, — я ответил бы по заранее подготовленному шаблону: «Со всеми моими родными и близкими, конечно же». Ведь любую альтернативу апокалипсиса или заранее обговорённый со смертью остаток времени всегда легче и проще провести с любящими тебя людьми. Люди, любящие тебя, останутся в твоей душе навсегда, в любом измерении и пространстве. Но что делать, если ты тяготеешь к той, в существовании которой ты даже не уверен?.. В разные эпохи люди выбирали одинаково. Перед лицом смерти был только один выбор — выбор сердцем. Даже сейчас, в век медиа и коммуникаций, рекламы, пиара и технологического прогресса во всех сферах, человек снова и снова выбирает сердцем. Ведь мы всего лишь неполноценные половинки, что бродят по кругу, утаптывая эту почву, ища своё «близнецовое пламя». Все наши технологии и прогресс нацелены лишь на корпоративную коммерцию, пытающуюся всеми силами изучить людскую душу до самых крайних уголков её вселенной.

Великие мира сего благодаря росчерку пера способны перевернуть восприятие человека с ног на голову, написав книгу с незамысловатым названием — как, например, произведение «Вегетарианец» писательницы Хан Кан. Ведь название книги, как и обложка, вторично; всем известно: главное сокрыто всегда внутри.

Попробуем рассмотреть это с другого ракурса. С ракурса на падающую слезу человека, который жил в далёком прошлом в одном древнеримском городе, что по воле случая был погребён под вулканическим пеплом. Можно ли сказать, что все люди разные? Да.

Тогда почему у всех людей чувство безвыходности в ситуации, в самый яркий момент отчаяния, отключает в человеке один из важнейших животных инстинктов — чувство самосохранения? Этот сбой, допущенный небесным программистом, доступен абсолютно всем нациям и народам. Что мог чувствовать человек, не планирующий умирать сегодня? И о чём он думал, когда обнимал другого человека последний раз в этой жизни? Неужели в его голове в этот момент яростно разбрасывались полки — полки с древними рукописями, в которых были записаны всевозможные молитвы и таинства, вызывающие к вездесущим? Что, если в голове этого человека были, наоборот, покой и умиротворение — чистое, белое, как молоко матери, абсолютно небесное умиротворение? Что чувствует человек, уверенный в переходе на следующую

щий альтернативный путь? Независимо от всего, у человека есть только время. Оно протекает в безмолвной тишине. Все наши поступки сравнимы с действиями муравьёв: они ничтожны для плеяды. Мы можем сколько угодно строить замки на песке, но у чего-то более высшего всегда найдутся другие планы. Что-то, ведущее нас за руку, может сдуть нас, как пыль, в один момент, как сдует пыль с этой книги человек, для которого я всё это пишу.

Проиграл — значит выиграл. Отыграл — значит проиграл

Мой жизненный цикл подходил к декабрю, финальному месяцу года. Потребовалось довольно много времени, чтобы успокоить себя и перестать накручивать свой разум.

Декабрь был очень тёплым, почти солнечным. Время от времени выпадали мелкие осадки, напоминающие мне ситуацию в машине, взорвавшую мой мозг. Безумное желание попытаться найти тот запечатлённый образ, что поселился в моём сердце, опрокидывало мировоззрение человека, отдающего всё на волю случая. Моё внутреннее «я» несколько раз ударило мне по лицу в моей голове и приказало на повышенных тонах оставить все бредовые попытки искать то, чего быть не может. Я пытался объяснить этот сон моим сознанием, вышедшим, как мне казалось, за временные скобки реальности. Но конечные умозаключения приходили лишь к концу дороги, заканчивающейся воспоминанием о том сне. Дни проплывали бездумно, интересующие меня ранее вещи просто исчезли с доски каждодневных желаний. Люди привыкли планировать своё время, приближаясь к определённой дате, к которой они идут. Для многих повседневный ритуал, преисполняемый силой привычки — отрывать бумажный кусочек с напечатанной цифрой на календаре, — стал отчётом, движущим их вперёд, к задуманной цели.

Для многих, но не всех. Моё же время отсчитывалось в обратную сторону. День за днём я уходил всё дальше и дальше от всего произошедшего со мной. Когда нас что-либо гложет, обычно мы поступаем двумя способами: решаем вопрос либо отдаём всё на волю случая. Я выбрал второй, опасаясь за своё ментальное здоровье. Раскрученную картинку в голове, которую, как я думал, я спрятал, уже нельзя было остановить. Мне было проще обмануть себя, с недоверием смотрясь в собственное зеркало, нежели признать, что, возможно, надо всё-таки попытаться выйти из безумного танца в моей голове. Ложась в постель каждую ночь, я иногда клал руку на сердце, и мне казалось на миг, что в моём сердцебиении что-то поменялось.

«Быть может, вот она — одержимость!» — подумал я. Чем быстрее я пытался заснуть, тем больше меня одоле

вала бессонница. Постоянная надежда на ещё один момент нахождения того туманного Альбиона сводила всё к страху больше никогда туда не попасть. Абсурдность моих мыслей смогла дойти до вполне эпичной версии, в которой Господь будто обращается ко мне неммым языком, говоря: «Смотри, это твоя версия рая, но доступ к нему пока закрыт».

В какой-то момент я даже пытался вспомнить, что я делал, ел и каков был мой распорядок дня накануне того сна, дабы попытаться вызвать те же эмоции и, возможно, те же сновидения.

Быть может, мой проигрыш в поисках ответов — это и есть выигрыш? И мне просто необходимо прыгнуть с высоты, как это делают в роуп-джампинге, только заранее срезав все страховочные тросы. В любом случае состояние, в котором я сейчас нахожусь, больше похоже на психологический термин, называемый «отыгрыванием».

Хан

#

В корейской культуре есть слово «хан». Если опустить многие нюансы и срезать вторичные для меня значения этого термина, которые, как мне казалось, не столь важны на данный момент, то можно подойти к его определению предельно выборочно. Это слово обозначает весь спектр эмоций, отвечающих за глубокое чувство печали и сожаления, а также гнева и обиды. Возможно, когда-нибудь старый и мудрый кореец, прочтя это, сделает вполне обоснованное замечание автору, возмнившему, что у него есть право менять как ему хочется любые

определения слов в корейской культуре, но прямо сейчас, разбрасывая слова во все стороны, я не могу загнать себя в рамки политкорректности, так сильно не свойственной моей культуре.

Музыкальная клавиша пианино, создавшая столь сладкую мелодию в определении этого слова, будто старается помочь мне разложить все мои мысли по нотам, как арпеджио: ноты идут по очереди и создают полный эффект разложения по полочкам, тем самым помогая хоть немного протолкнуть обратно в ящик её облик.

Чувство печали отказывается идти на любые дипломатические переговоры со временем, и от этого я уже не чувствую, насколько этот колодец глубок. Печаль похожа на церковную свечу, которая при дуновении ветра на мгновение выказывает своё почтение изменением структуры пламени, сопротивляясь абсолютно всему, что может ей помешать. Она ведь целая поэзия, несущая самые важные для человечества догматы о мире. Свеча несёт свет, напоминающий любому в темноте, что он существует. Ведь в кромешной тьме мы видим лишь пустоту. А пустота — это ничто. Получается, что человек без своей внутренней свечи — лишь пустота, а значит, и ничто. В каком-то смысле человек без своей свечи пребывает в космической пустоте, которую ещё называют «войд». Непогасший огонь свечи показывает ориентир, предоставляющий человеку выбор, в каком направлении ему идти и мыслить. Теплота огня выполняет немаловажную осязаемую функцию влияния на память и на молекулярном уровне даёт человеку чувства прикосновения и досказанности. Будь то метры скинутого на пол шёлка или вкус горячей еды, которую подают молодым людям в центре Сеула.

**«Тысячи свечей можно зажечь от единственной
свечи, и жизнь её не станет короче. Счастья
не становится меньше, когда им делишься».**

Сиддхартха Гаутама (Будда)

Чувство сожаления тянет сердце в безмолвную пустоту прерий, где лишь тишина и пространство, где только ты и твоё представление об окружающем тебя мире. Каждый сделанный шаг навстречу мечте замедляется под гнѐтом безумных расстояний, которые человек не в силах осмыслить. Невозможность изменить определённые устои, принятые не только твоим ареалом обитания, но и всем миром, толкает на мысль о строгой геополитике разделения людей на классы, народы и стены между нами. Из чего выходит самое жгучее чувство. Оно принуждает своего носителя идти на крайне необдуманные поступки, и это — гнев. Гнев — это самое дешѐвое чувство на свете, его проще всего почувствовать, поэтому оно ничего не стоит. Люди, которые постоянно гневаются, в процессе ругани приоткрывают свою портьеру души, чтобы показать, насколько слабо горит свеча, которую они лелеют. Наши чувства и переживания — это и есть тот ящик, в который постоянно пытаются заглянуть все окружающие нас люди. Будучи циничным человеком, я и сам каждый день грешу этим чувством, обесценивая свой ящик...

Обида распространяется на всё. В начале нашего пути тонкая нить обиды в виде слепка отпечатывается при каждом удобном случае, как, например, клеймо или метка, чтобы потом было проще понять, кто свой, а кто чужой. Обида и гнев танцуют на одинаковых ролях, далеко не отходя друг от друга, выжидая особого момента...

В конце же своего пути обида — как раковая опухоль, которая больше не важна, оттого что свече остаётся совсем немного времени перед тем, как погаснуть...

Адово озеро

Сочельник. Юг России

В течение всего дня я отказывал себе в любой пище, лишь пил воду. Эту традицию привил мне мой отец, который ныне прописан в одном из двух миров, между которыми наш. Набил свой живот полуфабрикатами только после появления первой звезды, как того требует православная традиция, и меня потянуло пройти пешком по улице. Человек, живущий в прямоугольном ящике своего сознания, похож на мелкого и ничтожного хомячка, постоянно бегающего в своём бесконечном колесе. Лишь время от времени он останавливается, чтобы задуматься: быть может, колесо — не истина его жизни? Посмотрев на клетку, окружающую его, он снова залезает на колесо, продолжая свой путь в надежде изменить свою реальность. Снова и снова попадая в зону «отыгрыша».

Бег от себя к себе помогает почувствовать хоть что-то, лишь бы не пустоту...

Я проходил сквозь мелкие сугробы этим поздним вечером, и мой заложенный и промёрзший нос давал сигнал мозгу, что он воспринимает сейчас только один единственный запах. Этот запах окутывал всё пространство между старыми советскими высотными зданиями, что окружили меня со всех сторон. Однако то малое количество людей, встречавшихся на моём пути, казалось, даже не замечали его. Меня это определённо настораживало. По мере прохождения шага за шагом в этот зимний вечер состояние беспокойства во мне постоянно росло. Запах, что окутал всю округу, был крайне насыщенным ароматом горелого медового воска, который используется в наших церквях. На всём протяжении пути мне попадались мелкие лужи, заледеневшие крошки которых были словно осыпаны стеклянной пудрой.

Пользуясь случаем, естественно, я наступал на лёд, пытаюсь уловить хрустящую версию флаголета. Морозная тишина и чёрная небесная вуаль окутали землю одеялом из звёздной пыли, красоту которой городскому человеку невозможно было распознать...

Падающие и танцующие лепестки снега, кружащие в этой стуже, будто рассказывали историю другой жизни, в которой они были чёрными каплями вулканического ада, обрушившегося на древний город, население которого в последние минуты жизни выбирало сердцем...

Остановившись в шаге от старых детских качелей, что стояли в центре заброшенного двора, я присел на лавочку, больше похожую на прибитую дощечку. На лавочке недавно кто-то сидел, ведь одна её половинка была сухой. Опустив правую руку на лавочку, я отметил, что ладонь почувствовала глубокий деревянный ров. Включил фонарик на телефоне, и стала видна явно выцарапанная надпись: «Jeong».

Я смотрел на этот непонятный набор букв, и моё сознание решило закрутить очередную увертюру. Закрыв глаза и указательным пальцем машинально стал прощупывать вырезанную на импровизированной лавочке надпись. Сидел с закрытыми глазами несколько минут, и вот наконец мой тройничный нерв, отвечающий за тактильные ощущения на коже лица, почувствовал волны набегающих и ускользающих женских волос, будто выходящих на ветру... Видимо, для того, чтобы добраться до самого дна адова озера, мне придётся нырнуть туда с головой, подружившись со всей нечистью внутри, которую суждено будет встретить по пути...

Ночью, днем, неважно как.

Мой мир — сплошной туманный знак, Что всё меняет постоянно,

Искажая сутки напролёт.

Словно лабиринт, всё путает меня. В какое направление ведёт судьба? И компас мой давно утерян,
И сухость в глотке всё сильнее. Надежда тает, словно лёд.
Плевать мне на любой исход. Душа ведь знает, куда она идёт...

Ведь не всегда важно, чьими глазами ты смотришь на этот мир

Человек, внимательно слушающий своего собеседника, порой может взглянуть на мир его глазами, с его точки зрения. Однако призма обоюдного согласия сможет передать лишь частичку общей картинки, такой базовой и примитивной.

Людские шаблоны восприятия действительности не всегда смогут подсказать правильный путь. Порой мысль приходит сама, а порой сама судьба толкает тебя в её объятия. Может ли мираж, укрытый тайной в моём подсознании, быть реальностью?..

Быть может, где-то на другом конце света вполне реальная душа в людской оболочке мирно сосуществует с этим миром.

Ведь если этот мираж существует, то как он смотрит на этот мир, и самое важное — на что обращён этот взор прямо сейчас?.. Тешить себя глупыми надеждами — всё равно что медленным темпом пробивать свою кожу тысячей иголок с красками мрачных оттенков. Получившийся узор не всегда понравится владельцу, желающему той картинке, которую он изначально задумал. Окутывая верхние слои кожи, рьяно защищающей наш организм, чернила плавно перетекают чёрной лавой к сердцу. Скапливаясь в нескольких местах одновременно, они похожи на подземные воды, подпитывающие то самое озеро, на глубине которого я был готов встретить всевозможную нечисть.

Антропоморфный орнамент, набитый в проекции моего правого предсердия, будто прожигал меня изнутри. Каждый раз, вспоминая облик этой нежной фурии, решившей залезть мне в голову, я будоражил свою память, пытаясь вспомнить мельчайшие моменты нашей первой встречи.

Что важнее: заглянуть в глаза любимому человеку или дышать этим миром через видение её глаз?

Амбивалентность ломает мой разум пополам. Так что правильнее с точки зрения вечной и чистой любви? Посмотреть в последний раз любимому человеку в глаза, зная, что ты больше его не увидишь, или выбрать менее яркий порыв — предпочесть до конца своих дней смотреть на мир через призму её глаз? В первом варианте мы будто готовы предать любовь, которую через время сотрёт память. Во втором же случае готовность смотреть на всё через мировоззрение любимого человека даёт вечный доступ к её любви, не отпуская её. Ведь ты смотришь на мир её глазами. Восприятие мира становится искажённым, ведь ты взираешь на него уже с другого обзорного моста, не лично твоего. В разных культурах восприятие направленного взора варьировалось от наглости буйного подростка до чисто научного интереса патологоанатома. В зависимости от социального статуса и манеры общения с другими оглядка на человеческое эго становилась тоньше белого листа бумаги. Воспринимаемая нашими глазами информация обычно берётся за абсолют. Но можно ли верить чужим глазам, трещины зеркал которых явно искажают другой мир? Думать, мыслить — всё это синонимы одного английского слова *to think*, проговариваемого миллионами людей по всему миру ежедневно у себя в голове. Но если в русском языке есть несколько вариаций одного и того же слова по смыслу, то почему взгляд через глаза другого человека должен быть таким однородным?

Синонимы не дают другого смысла, они лишь обволакивают суть.

Красный, алый, багряный — всё это лишь цвет крови, одной для всех нас...

«Когда я познаю твою душу, я нарисую твои глаза...»

Амадео Модильяни, итальянский художник и скульптор (1884—1920)

Миопия, принятая за основу

Страх — одно из самых причудливых чувств на земле. Основа этой эмоции провоцирует организм на определённые действия, тем самым мотивируя тебя идти дальше по нетоптаной дороге своей внутренней плеяды. Своей эстетикой он заставляет толпы вращать мир, сердца биться быстрее, а патриотов жертвовать собой за наши идеалы. Наше мироустройство исповедует тактику близорукости, в которой человеку плевать на всё, что выходит за рамки картины, перед ним стоящей. «Моя хата с краю» — всё остальное, расплывчатая картинка, неинтересная или неудобная нашему мозгу, отбирающему только самое выгодное предложение для потребительского спроса...

Людям свойственно надевать очки как настроение. Наденьте тёмные очки в хмурую погоду — и мир покажется вам куда более супротивным. Появляется чувство, будто человек начинает пребывать в состоянии эмоционального и ментального отрыва от реальности, происходящей вокруг него. Рецепция, воспринимаемая мозгом, строит совершенно другую матрицу Вселенной, похожей на жанр фэнтези. Вот насколько легко изменить мир — просто надев обычные тёмные очки в определённое время и в определённом месте. Даже сама природа и генетика разделяют нас по разным цветам глаз, как бы показывая, что раздача меланина в радужной оболочке будет у каждого своя.

Такие мы, разные и в то же время одинаковые. Разные, потому что есть те, кому не наплевать на общий культурный код, сохранившийся для нас благодаря нашим великим предкам. Одинаковые — потому что из двух зол выберем то, что полегче, попроще или за бесплатно, совершенно не думая о том, что в дальней видимости спрятан завтрашний день...

Одна моя знакомая давным-давно мне сказала: «В твоих карих глазах бесы пляшут с утра до ночи. Пока ты их сдерживаешь, но как долго они будут плясать под твою дудку?»

Капли талой воды окутали мои руки и лицо, а я сидел всё неподвижно на этой дрянной лавке, как брошенный ребёнок. Я сидел, слегка наполняя воздухом грудь, боясь разомкнуть веки, будто уставший оператор занавеса, ждущий последней точки, апофеоза.

Слегка задевая мой лоб, мелкие прядки волос ласкали мою кожу, тем самым намекая, что прямо сейчас я нахожусь не один. Тёмный вечер плавно перетёк в глубокую ночь. Время, как мне казалось, стало замедляться. Даже поднявшийся ночной ветер не смог бы сбить этот прозрачный, слегка видимый туман с запахом горелого медового воска. Должен признаться, этот запах я в итоге полюбил. Боясь резко пошевелиться, я очень медленно наклонялся вперёд, чтобы сильнее почувствовать ту, что давала себя осязать в этот момент...

Скрип детских качелей, стоявших рядом, прорезав моё минутное блаженство, заставил меня открыть глаза...

Играя в свои игры

Осознаю, что тематика данной темы не всем будет интересна, однако, неся определённые скрытые смыслы в этой книге, я не могу не затронуть некоторые темы, готовые раскрыть человеку суть написанного.

Каждый человек строит свой мир, далее с интересом смотрит за действиями в нём или просто принимает самое активное участие. Будто маленький ребёнок строит песочные замки под присмотром загорающих родителей, отдыхающих на берегу полуострова, кишашего всякими подводными тварями. Наша жизнь — тоже своего рода игра. Когда я вспоминаю свой опыт нахождения в том туманном Альбионе, у меня возникает одна мысль: ведь если жизнь — игра, и я в неё играю, значит ли это, что во сне я вступил на альтернативную версию игры? Вопрос, конечно, геймерского толка: является ли эта «Линейка» сюжетом, возможно, развивающимся на разорённых распрями богов землях Адена и Грации?

Ведь если да, то распутывать клубок двух миров (континентов) мне будет достаточно сложно, как человеку, абстрагирующемуся от тематики фэнтези. Стиль повествования придумывает не сам человек, он лишь так думает. Случай или судьба не выбирают за человека, но будто пытаются подтолкнуть его к более желаемой для себя вариации событий. Человек с самого детства — будто персонаж компьютерной игры, родители которого выбирают ему класс или специальность, предрасполагающую, по их мнению, к определённому стилю игры. Сам же персонаж этой игры абсолютно спокойно выполняет свою функцию, считая этот мир довольно реальным, проходя одну сессию за другой и даже не подозревая, что он всего лишь винтик в этом большом организме, называемом программным кодом. Персонаж в этом игровом мире даже не понимает, на каком сервере сейчас находится и кому он себя противопоставляет в данный момент.

Как известно, в компьютерных играх есть два основных типа игрового процесса. Первый, PvP, предоставляющий возможность перенести мировоззрение живого человека в цифру, подразумевает рьяную конкуренцию с другими людьми на поле боя. В этой виртуальной плоскости никому пощады нет. Суть вполне однотонна: съешь другого и выживи, прыгая по головам других людей с иными подходами к жизни.

Во втором же случае, с PvE, мир полностью готов к употреблению. Ведь прописанный код мировой матрицы уже знает, куда ты пойдёшь и с кем будешь сражаться. Как понять самому персонажу в этой игре, сражается он с реальным подобием себя или же всё, что его окружает, уже просчитано вечным Абсолютом, дергающим за шёлковые ниточки нашего мироздания.

Оба варианта можно очень легко отобразить в нашей реальной жизни. Одни сражаются с подобными себе, получая ранения и опыт, ценя каждый прожитый день, другие же предпочитают почивать на лаврах, идя по заведомо натопанному маршруту жизненного пути.

С особой жадностью к своим влечениям люди предпочитают прожигать то самое дорогое, что предоставляет им Бог, а именно время. Ведь играть в теле персонажа можно вечно, а в теле человека — нет.

«Игра — последовательность интересных выборов».

Сид Мейер, канадский гейм-дизайнер

Господь воистину гениален

Очередные пустые обещания моего мозга, что я смогу запечатлеть её облик в памяти ещё раз, вынуждают меня не доверять более своим инстинктам. Посидев немного на лавке, я перестал воспринимать запах воска, так сильно въевшегося мне в память. Обратив внимание на то, что свет в окнах многоэтажных зданий понемногу стал гаснуть и их обитатели явно легли спать, я решил последовать их примеру и походкой английского докера пошёл домой.

Обозримая темнота и хруст натоптанного льда под ногами постоянно перебрасывали кусочки моих мыслей с одной плоскости на другую. Идя по дорожке, осыпаемой искусственным светом уличных фонарей, я всё пытался процедить свои ощущения сквозь призму разума, которые никак не мог понять...

Прошла неделя, затем другая, затем третья. Тяжесть в сердце, образовавшаяся в середине прошлого ноября, никак не хотела меня отпустить...

В какой-то момент я перестал думать об этой девушке, явившейся во сне. Возможно, я решил игнорировать себя или просто делать вид, не знаю точно. Как-то раз, в дождливый вечер последнего месяца зимы, я, умываясь на ночь, взглянул в зеркало. Всмотревшись в свои глаза, я увидел будто не своё отражение, а кого-то очень похожего на меня — человека с явно побелевшими зрачками. Мысль, посетившая меня, прокомментировала ситуацию банально просто:

«Всё это мне мерещится. Я просто устал, мне необходимо отдохнуть, ведь день был крайне тяжёл».

Стоило мне прилечь в кровать и закрыть глаза, моё внутреннее «я» с высоты птичьего полёта уже падало в озеро, в котором местные обитатели встречали меня как своего.

Убеждённость в том, что в нашем мире существуют вещи, которые мы не должны знать, а уж тем более понимать, предоставляет Богу сверхчеловеческую гениальность. Всё предельно просто. Ведь ни у кого нет сомнения в том, что воздух, вдыхаемый нами ежесекундно и так жадно, существует. Согласно христианству, Бог является первоначальной и предшествующей миру сущностью, создателем духовного и материального мира, а это значит, что, когда я падал в этот момент в адово озеро, Господь явно задумал что-то для меня...

Вступая в невесомость

Разрывая все существующие ткани бытия, страница за страницей сшиваются в фотографию, которую мог бы запечатлеть только опытный фотограф. Ведь фотографии — это в первую очередь ткачи момента, располагающие особым даром видения.

Видение фотографа или видеооператора готово приоткрыть вам мир, в то время как он сам располагает лишь своим восприятием, дарованным ему Богом.

Моё же восприятие этого момента было такое... Оказавшись всё на том же месте, не успев открыть глаза,

я снова почувствовал жжение в области левой груди, чуть ниже ключицы. Приоткрыв глаза, я снова увидел серо-белую невесомость, что окутала всё пространство, в котором я находился. Чувство глубокой любви и счастья мелкими солнечными лучиками пронзало каждую клеточку моего невесомого тела, которое я и не собирался контролировать в данный момент. Мелкие клочки тумана всё так же пролетали временами сквозь меня, как и струйки-ручейки холода, заставлявшие включать рецепторы моих ног и всего тела. На этот раз я хотел быть здесь и с нетерпением ожидал грядущего свидания с Вселенной.

Должен признать: с прошлого момента падения в эту бездну что-то изменилось во мне и окружении, в котором я находился в данный момент. Холод более не обжигал, как в первый раз, он будто направлял меня своим дуновением клочков тумана в определённую сторону. Всмотревшись во все возможные уголки горизонта, моё внутреннее «я» стало трубить в рог, будто созывая все чувства в одну когорту. Призыв к немедленному действию, пока я нахожусь в этом мире, диктовал мне дальнейший план нахождения здесь. Первое, что я успел понять: этот мир стал меняться. Холод стал более лоялен ко мне или к тому, что я, по крайней мере, из себя здесь представляю. Ожидая ту самую, ради милой улыбки которой я готов был вырвать себе сердце голыми руками, я решил провести разведку боем.

Сложно не видеть под собой землю и при этом наступать на неё. Перед первым шагом мне было безумно страшно. Страшно было не оттого, что я провалюсь в эту бездну, а оттого, что я по своей мужской и стопорной глупости сделаю неверный шаг, который, в свою очередь, будет стоить мне дисквалификации из этого мира.

Это похоже на первое признание, которое ты должен сделать, и ты знаешь, что ты сделаешь его, но всё равно безумно страшно.

Поднимая правую ногу для того, чтобы сделать этот шаг, я, вспоминая её улыбку, ощутил тёплую струю слёзы, аккуратно спускающейся из моего правого глаза. Перед тем как почувствовать брешь, невидимую мне, я впервые за долгое время обратился к Богу. Суть этого обращения личного характера — просьба провести меня дорогой, ведущей к ней... Пока я ступал по безмолвной пустоте, мой мозг отказывался от любых объяснений, боясь просто комментировать всё происходящее, окружающее меня... В какой-то момент смех, пробившийся через мелкие крупинки моих слёз, повествовал истории о том, что шаги, предпринятые мною, — не что иное, как задумка Бога, решившего сыграть со мной в игры, до которых мой мозг ещё не успел созреть...

Сложно объяснить простыми словами эту картинку мира, что рисует твой разум, но я постараюсь...

Сам не понимая своих действий, шаг за шагом, наступая на пустоту, я пытался пробудить свою смекалку, явно не желавшую предоставлять мне необходимую помощь в данный момент. Отчаяние настолько сильно стучало во мне, будто с такой же силой в неряшливую крышку гроба забивал гвозди юный помощник гробовщика. Но, если честно, мне было плевать. Рус-

ский дух имеет одно важное свойство — он дает силу идти до самого конца, вопреки всему и вся.

Дойдя до глубокого озера, находившегося в нескольких километрах от изначального места расположения, я увидел разветвлённую дорогу, что делит озеро на два побережья. Обе дороги были похожи больше на тропинки, вымощенные из природного камня терракотового цвета. Эти тропинки вели абсолютно в разные направления.

Напротив каждого направления стояли таблички. На одной была изменённая надпись «Jeong». Эта надпись мне была знакома, ведь ранее я её уже где-то видел. Надпись была изменена: были добавлены буквы. Немного постояв, я вспомнил, что она была вырезана на той самой лавочке, сидя на которой, я в течение минуты мог осязать ту самую, ради которой я здесь. Со второй же надписью всё было немного иначе. Выжженная в виде клякс на деревянной табличке, она не давала никакой информации. Эти три кляксы были похожи на те, что оставались на коже людей определённой касты, явно пытавшихся скрыть очень важную информацию о себе. Пока я находился здесь, останавливаться было поздно, поэтому я принял решение идти дальше.

В течение всей своей жизни мы сами выбираем дорогу, по которой пойдём. Иногда Всевышний может лишь немного затемнить одну версию дороги, будто указывая верный маршрут для другой. Я лишь шёл в неизвестность только с одной целью — раствориться в этой девушке без единой молекулы остатка...

Необходимость выбора одной из дорог заставляла меня сомневаться в том, что я смогу её увидеть. На интуитивном уровне я выбрал тот маршрут, который мой мозг принял за аксиому. А именно — с надписью «Jeong».

**«Настоящая свобода обнаруживается не
тогда, когда человек должен выбирать,
а тогда, когда он сделал выбор».**

Николай Бердяев, «Судьба России» (1917)

Сброс до заводских настроек

Тёмно-серая краска альтернативных обоев этого мира, которыми я мог бы описать всё пространство, что было передо мной, начинала ещё сильнее темнеть. Проходя по узкой тропинке шириной не более одного метра, я присматривался к её границам. Слева от меня буквально за секунды пройденного шага возникали целые поля красного гибискуса, что давало превосходный чарующий вид на бескрайние багряные поля этого цветка. Проходя там не спеша, я ловил себя на мысли, что мир, в котором я нахожусь, так и оставался в чёрно-белых оттенках. Но не бескрайнее поле, находившееся по левую руку от меня...

Краски этого мира постоянно менялись, переливаясь разными тонами, однако пейзажи оставались первозданными. Посмотрев в один момент направо, мой внутренний видеооператор мог запечатлеть только пустоту, что протянулась на весь горизонт сознания. Для многих людей нахождение в таком пространстве или измерении могло показаться безумно увлекательным процессом, расширяющим кругозор. Для многих, но не для меня.

Мои мысли занимала лишь одна истина, ради которой я был согласен подписать любой контракт с кем угодно, лишь бы продлить свой «дедлайн» в этом мире в поисках её.

Я уже прошёл безумное количество шагов, как мне представлялось, но пейзаж сего мира передо мной никак не хотел изменяться, будто говоря мне, что я попал в очередную ловушку, из которой мне не получится выбраться...

Где-то между отчаянием и надеждой мой мозг переглянулся с моим сердцем, учуяв тот самый запах медового воска свечи, так полюбившийся мне из-за неё...

Остановившись, чтобы перевести дух, я пытался понять, как действовать дальше. Ведь было ясно, что поля гибискуса, окружающие меня с одной стороны, и пустота с другой вели тропу в бесконечность моей испытываемой грусти.

— Ты здесь?! — крикнув это во всю глотку, я не смог сдержать слёз досады, которую так сильно испытывал в данный момент. — Я найду тебя, слышишь! — добавил я несколько секунд спустя.

Но ответа не было. Гробовая тишина смешалась с лёгким запахом медового воска, не более того.

«Этот туманный Альбион ещё не знает, насколько человек может быть настырным по своей природе», — подумал я. Смахнув несколько капель слёз с лица резким рывком с места, моё тело решило устроить спринт с полями, что расстилались в одно мгновение, пытаюсь догнать меня.

«Бег от себя к себе помогает почувствовать хоть что-то, лишь бы не пустоту», — повторил я мысль...

Я преодолевал бескрайнюю территорию в уставшей версии своего тела, быстрый бег выматывал меня. Рано или поздно я должен был остановиться, я осознавал это. Воспринимая неизбежность усталости, я старался оттянуть этот момент как можно дольше ещё большими усилиями своего характера и энергии, хранившейся в закромах моего тела... Очертания её лица в моей памяти буквально заставляли меня не обращать внимания на предел моих физических возможностей. Они лишь добавляли мелкие кусочки угля в топку того самого паровоза, что собирал за собой, как вагончики, мои мечты и надежды.

Остановившись в нескольких десятках метров от гигантского пустого моста, который был окутан серо-синим туманом, я опустил взгляд перед собой. Не доходя несколько метров до моста, тропинка резко обрывалась. Из мостовых перил росло растение, похожее на лекарственный окопник, цветки которого были бледно-розового цвета. На столбе, что стоял рядом, была надпись, которую из-за серо-синего тумана невозможно было разобрать.

Я решил перейти этот мост, и прямо перед моими глазами стали пролетать стаи лепестков красного гибискуса, заставившие меня почувствовать жжение в груди ниже ключицы.

Наблюдая, как плывут по воздуху лепестки красного цветка, я стал терять сознание...

«Истинное

воображение

требует

гениального знания».

Александр Сергеевич Пушкин

Сознание есть декорация

Проснувшись, я был опустошен. Жжение в груди, заставившее меня выгнать из сна мой разум, продолжало доставлять боль даже сейчас. Встав с кровати и подойдя к окну, я почувствовал, как солнечные лучи тепла пытались согреть моё тело, физически ощущавшее безумный холод в данный момент. Состояние помутнённого рассудка усиливало необратимость печали, заложенной во мне. Тело ныло от болезненных ощущений, будто рассказывая мне, что произошедшее этой ночью было наяву. Будучи измождённым этой ночной прогулкой, я пошёл собираться на работу. День, показавшийся, пожалуй, слишком долгим, постоянно давал мне восприятие мира, в котором стекло, окружавшее меня со всех сторон, отгораживало от реальности. Декорации менялись перед глазами, будто разукрашенные холсты, использующиеся в постановочных пьесах, за которыми так любили наблюдать чувства, скрытые во мне. Несмотря на истерзанное утро, молящее о спокойном сне, я продолжал бодрствовать, ожидая от природы естественного наказания на сон, в виде ночного одеяла окутывающего эту часть планеты. Мысль о том, что рано или поздно я с ней встречу, давала мне стойкость человека, готового держать свой стяг насмерть.

Перешагнув несколько туманных дней в моей жизни, тело восстановилось, разум же — лишь отчасти. Поиск во Всемирной паутине не давал мне никаких совпадений о том, что могло объяснить явления в моих снах. Попробовав перечитать тонну электронной литературы, я понял, что мой мозг временами просто отключался...

Это было похоже на системную ошибку, которую программист и не пытался исправить. Пока я производил определённого вида действия в моей системе, могла выскочить та самая ошибка, которая просто перезапускала всю матрицу моего мира, отключая мозг и стирая мне частичку памяти при каждом удобном случае.

Классическая музыка, кружащая гармоничной рекой в голове, временами впадала в общий поток океана моих мыслей, тем самым разбавляя боль и толику отчаяния, окутавшего отдельные части моей души. Снова и снова, пытаюсь сплести ниточки схожих действий, я пытаюсь создать чёткий образ того, каким способом я мог туда попасть снова. Психология человека проста: мы открыватели. Страх, пугающий нас, как говорят, до души, убегающей в пятки, всё дальше и дальше толкает в объятия к непостижимому, дающему время открытий, к каким бы конечным остановкам они ни привели.

Не боясь потеряться в её мире, я был готов погружаться туда снова и снова, лишь бы найти её. Вера составляла мне основу. Необходимо было просто понять, как это работает...

В самый лютый шторм

Прошло еще несколько недель, ничего не происходило.

Почти ничего.

Когда я прогуливался в парке и наблюдал за проходящими рядом людьми, моё мышление выстраивало план действий, который необходимо было привести в исполнение в случае чрезвычайной ситуации при попадании в сон. Зарождение мысли в голове медленно прорывалось наружу, будто зачаток побега, готовый расти только вверх.

Явно не зная правильного расположения клавиш, впрочем, как и нот, я планировал сыграть на этом рояле жизни все свои аккорды. Какой бы тоскливой мелодия ни казалась, я должен был попробовать придать ей свой ритм.

Всматриваясь в классический пейзаж городского парка, я всё вспоминал те самые поля гибискуса, пытаюсь уловить особый смысл этого видения. Желание найти хоть что-то в каждом изображении, прошедшем через меня, придавало всему смысл, так необходимый мне сейчас...

Накидывание десятков вопросительных знаков себе в голову было больше похоже на игру в «метание подков». Такую же забавную, но абсолютно никак недвигающую меня к цели. Постоянные сомнения мешали думать. Раздумье шло рука об руку с упрямством — наследие, которое мне предоставляла культурная особенность моей страны. Чем дольше человек пытается погрузиться в определённую тему, тем быстрее от него ускользает и без того тонкая нить происходящего. Справа от шкафчика с моими самыми тёмными мыслями, где валялся клочок жёлтой бумаги одной корейской фирмы, стоял стол. На столе был ящик. В этом ящике хранилось многое из того, что было действительно важным для меня. Там же хранилась немного радикальная идея. Она заключалась в том, чтобы расшатать этот туманный Альбион, раскрутить его, будто детскую игрушку юлу, и посмотреть, что из этого выйдет. Я не был уверен, сможет ли простимулировать моё восприятие запах медового воска, но свечи на всякий случай я приобрёл заранее.

Позже, ближе к ночи...

Находясь в горизонтальном положении, лежа на спине в своей кровати, я вдыхал запах медовой свечи, которую заранее зажёл. Закрыв глаза, я находился в состоянии бодрствования ещё долгое время. Перед глазами был только её облик. Шалая время от времени память в моём рассудке чётко и без каких-либо колебаний хранила её образ во мне. Так устроен наш мозг. Ящики с теми воспоминаниями, что важнее для нас, он расставляет намного ближе к центру хранилища, боясь запылить их временем. Пока я ожидал того, чтобы провалиться в сон, в груди стало жечь. Вскоре я заснул...

Оказавшись на отправной точке, я был уже более уверенным в себе. Всё тот же холод и облака, всё та же дезориентация в пространстве.

Я пробежал несколько километров по пустоте до знакомого мне озера, и мой взор был обращён на уже знакомую мне разветвлённую дорогу.

В этот раз мой выбор пал на другую тропинку. Деревянная табличка, будто оставленная здесь несколько веков назад, была вбита в гигантский дуб, очень похожий на тот, что выбит татуировкой у меня на груди. На табличке без изменений были все те же выжженные кляксы, виденные мной ранее. Поднимая взгляд наверх, я отметил, что крона этого величественного дерева скрывалась за густотой белого тумана, больше похожего на сахарную вату, чем на разрезанные клочками, растянутые облака, наблюдающие за нашей планетой в постоянном движении своего цикла.

Явно замедленные в своей скорости проплывающие облака напоминали, что время тут шло в своем ритме. Неспешной походкой я шагал по тропинке, заводящей меня в более темный горизонт, перерастающий в зону медленно тускнеющей свечи. Тёмно-синяя гуашь зарисовывала буквально всё пространство вокруг меня, не оставляя никаких шансов для визуального восприятия окружающего мира. Каждый сделанный мной шаг по этой тропинке открывал моим глазам лишь тьму. Я был настолько охвачен изменённой реальностью, что совсем забыл о радикальном плане расшатать этот мир. Казалось, будто сам воздух становился морским, более насыщенным. Запаха медового воска мой нос не замечал. Это наводило меня на мысль о том, что я иду совсем не в том направлении, о котором думал.

Чувство страха плавно перетекало со следа на след моей обуви; однако я понимал, что сейчас оно совсем не к месту. Что может сделать человек, проходящий в крошечной тьме в совершенно непонятном измерении? Конечно же, потерять равновесие от дезориентации в пространстве. Вследствие чего, наступив на пустоту, провалиться, почувствовав хаотичное падение своего тела в невидимую черноту вечности...

Восприятие у каждого человека индивидуальное. Наука веками собирает самые разные людские ресурсы, чтобы сортировать их по определённым категориям, тем самым обезличивая каждого индивида, вводя его в простую цифру. На основе сортировочной статистики человеческого индивида всё чаще затачивают по определённому шаблону, предлагая ему смотреть лишь под определённым углом зрения, формируя нужное мировоззрение в обществе. Это похоже на поведение уставшего капитана, с детства учившегося смотреть на весь окружающий его мир только через подзорную трубу. В зависимости от того, как ты воспринимаешь саму бездну, так и бездна воспринимает тебя...

Ведь одни, падая в неё, ощущают необратимость кончины и пропитанный запахом смерти трупный якорь, тянущий их на дно. Для других это лишь чувство полёта, раскрывающего перед ними суть, до поры спрятанную за занавесом.

Человек, падающий в чёрную бездну, раскрывает свою портьеру души, показывая всей тьме, что свеча всё ещё горит...

В одно мгновение, показавшееся мне вечностью, мой мозг вырисовывал мелкие фрагменты у меня в голове, больше похожие на позитивную пленку, рассказывающую, что со мной происходит в данную минуту. Безумно быстрая смена декораций перед моими глазами ускорила все мыслительные процессы, будто намеренно саботируя поток данных, попадающих в мозг, перемешивая их и не позволяя успевать анализировать всё происходящее вокруг. Изображения в моей памяти смешивались с пейзажами других мест, которые мои глаза ранее никогда не наблюдали. Это было похоже на то, как один человек пересматривает снова и снова в кинотеатре обрывки своей жизни, подсматривая заодно и чужие. Мне казалось, будто я падал в безграничный колодец памяти другого человека, смешивающегося с моей собственной воедино. Секундой позже я потерял сознание... Когда открыл глаза, то первое, что удалось мне почувствовать, — это сильное давление в ушах, словно разрывающее черепную коробку пополам. Вторым же осознанием стало то, что прямо сейчас я нахожусь в какой-то деревянной лодке в самом эпицентре гигантской бури посреди бескрайнего океана. На внутренней стороне борта этой лодки было выгравировано: «Jeong». В центре океанической бури моё утлое судно стойко сопротивлялось волнам, пытающимся её опрокинуть. Цепляясь за борта, я старался не выпасть. Тяжело плыть в пучине диких волн, не видя ни отправной точки, ни направления движения. Однотонность морской бездны и мрачного чёрного горизонта могли намекать лишь о безысходности моей ситуации. Вне зависимости от её исхода я был готов использовать единственный процент веры, обещавший мне найти подобие маяка, который я мог бы взять за ориентир. Увидел, как очередная волна, с высотой в десятиэтажный дом, надвигается в мою сторону. Надо было быстро принимать решение. Высота волны смогла затмить весь горизонт, находящийся передо мной.

Неспешно поднявшись на ноги, я подошёл к носовому краю лодки. Посмотрев на толщу воды, затмившую собой подобие неба, со спокойствием в душе и её обликом перед своими глазами, я сделал спокойный шаг вперёд, осознавая, что конец всему происходящему будет только на моих условиях...

Космос, небо и даже все моря Везде вижу я тебя.

И порою в тишине Слышу голос твой в себе.

Твой прекрасный милый лик, Сдавливая моё сердце вмиг, Всё сильнее его сжимая, Чувствами глаза переполняет.

Ты мой ангел наяву,

Ведь, возможно, я в бреде. Сон ли это? Расскажи.

Хоть немного покажи, Где я должен находиться,

Чтобы снова появиться

Там, где я тебя нашёл, Раз за разом всё теряя.

Я бегу к тебе, сверкая, Близнецовым пламенем горя. Тьма не знает, как настойчив я...

Портфолио антагониста

Хмурое пасмурное утро пришлось как нельзя кстати для моей терзаемой болью головы. Свистящий ветер, гуляющий по крышам зданий, будто искал сопротивления во всём этом физическом мире, напоминая о своём существовании. Именно он и разбудил меня этим утром. Меня, как и многих других, кто проживает в своих кирпичных клетках, бегая по кругу в колесе ежедневных дел, ожидая исхода этого дня. Ставшее уже привычным жжение в груди, чуть ниже левой ключицы, даже после пробуждения не давало мне обращать внимание на физическую боль. Осмысление всего произошедшего этой ночью говорило только о том, что дозировка утреннего кофе в моей кружке должна быть увеличена кратно. В течение последующих двух суток моё тело и мозг решили пожить друг от друга отдельно, как бы намекая, что моё сознание не может правильно раскидать по нужным полочкам увиденные мною хаотичные изображения. Отдел мозга, отвечающий за сортировку информации, пытался сложить пазл, на рисунке которого была изображена картина Ли У Хвана, отображающая тёмно-синими красками физическую трансформацию человека.

Так каково же быть антагонистом своего счастья? Необходимо иметь в своём портфолио достаточное ко

личество злобы и недоверия к окружающему миру, щепотку неправильных выводов из своих решений и жирный слой цинизма, отравляющего всю информацию в потоке для принимающего этими карими глазами решения, создающего своё мировоззрение, видение происходящего вокруг себя. Искусство производить аллегории в кромешной темноте, подобно классической музыке, играет глазами обречённого. Глаза могут с течением времени забыть человека, однако сердце всегда оставит запись в своей книге...

Портфолио антагониста должно быть идеальным для борьбы с судьбой и с Всевышним.

Ведь затемнённая дорога жизни, предлагаемая тем самым антагонистом, гораздо ярче в тёмное время суток, чем основная. Заблудиться всегда легко, если идёшь один...

Когда твоё «я» идёт рука об руку с Вселенной, дорога будет подсвечена падающими звёздами, что разрезают атмосферу вспышкой, подсвечивающей путь и направляющей тебя к твоей судьбе...

Необходимо всегда искренне делиться своей правдой, лежащей на душе, ведь на остальное просто не останется времени...

Я без тебя так обезвожен

Несколько недель подряд льют дожди, капли которых, как вирус, окутывают всё предельно видимое пространство уличной глади, словно протекающей в центре города реки.

Сырость, что парит в воздухе, будто будоражит мои старые воспоминания, напоминая мне о диких волнах, окутывавших меня ранее...

Порывы рьяного ветра, бросаясь на людей, отбрасывают все регалии сухости, которыми люди привыкли защищаться благодаря своим зонтам. Спрятавшееся от всех солнце решило показать всему остальному миру, насколько оно ценно и прихотливо. Устроив себе отпуск, оно предпочло наблюдать за своим близким партнёром, замещавшим его в эти дождливые дни. Работа ливневых стоков целыми днями была похожа на деятельность уставших сотрудников таможни, взявших дополнительную смену в праздничные дни... Моё общее состояние и смешанные чувства были похожи на погоду, отражающую общую картину этой недели. Уверенность в том, что я увижу ту загадочную девушку снова, уменьшалась, будто тая кусочком льда на моей ладони. Град сменялся обильными ветрами, потом дождём, и снова начинался град. Мрачная погода этой недели будто синхронизировалась с моим внутренним состоянием. Протекающие дождливые будни давали состояние обезвоживания моим губам, мечтающим прикоснуться к её лику. Грустная мелодия утра плавно перетекала и в полдень, и в ночь. Тягучая воздушная масса дождя, окутавшая город и его окрестности, даже и не предполагала предаться чувству милосердия. Общий настрой погоды не просто отражал мою тоску, он её подпитывал. Ветер как будто срывал с моей души последние клочки надежды, обнажая зияющую пустоту, которую ничем нельзя было заполнить.

Выходя из одного крупного супермаркета, я окунулся в хаос парковки, зажатой между двумя большими перекрёстками, где автомобили, двигаясь, создавали вид хаотично плывущих тромбоцитов. Казалось, каждая капля дождя несла в себе частицы выхлопного газа, будто пытаясь обжечь мне лёгкие изнутри. Я закинул бумажные пакеты с провизией в авто, и за долю секунды до попадания моего тела в салон дождь пошёл с удвоенной силой.

Мысль, пожирающая мой мозг, представляла в моей голове сюжет о том, что где-то очень далеко, возможно, на другом краю планеты, солнце обжигает реального человека, чей лик будоражит меня по сей день. И эта мысль обжигала меня не меньше, чем её — солнце.

Стук приглушённых капель по крыше машины, как эффект домино, создаёт мрачное предчувствие чего-то большего, чем эта непогода. Вслед за потускневшим вечерним небом конденсат от разницы влажности внутри салона обволакивал все стеклянные поверхности, через которые у меня было намерение визуализировать этот мир.

Я сидел и наблюдал из окна машины, как ливень стирал границы, размывая этот мир до неузнаваемости. Моя апатия, кружащая безликой вороной в голове, была невыносима для моих желаний, стремившихся устроить очередной раунд переговоров с судьбой.

Картинка в картинке

Будучи личным видеооператором своей жизни, человек обычно привыкает лицезреть ровно то изображение, которое в состоянии воспринять его мозг. Однако реалии сотканного нами мира в любой момент готовы преподнести вполне осознанные сюрпризы, снова и снова мешая мыслям составить логическую цепочку происходящего вокруг.

Твоя реальность будто зависит от множества личных качеств внутреннего видеооператора, готового в любой момент объяснить тебе, как сохранить идеальную геометрию кадров.

Поток визуальной информации, смешиваясь со звуком и светом, каждую долю секунды создаёт в нашей голове готовый фильм. Успевая собрать воедино все варианты ручейков информации в одну струю, наш мозг создаёт своё внутреннее произведение, отчеканивая при этом всё так необходимое тебе и отсеивая остальное. Невостребованные кадры, несмотря на свою важность, отбрасываются, освобождая место для совершенства.

Препродакшн в нашей голове, бурно создаваемый в определённом отделе коры больших полушарий, подготавливает основную идею, собирая все локации, актёров и реквизит воедино. Главный же сценарий, как и раскадровка, в полной мере зависит от тебя и твоего умения сопоставлять необходимую информацию, оцифрованную в твоём мозгу, какой бы реальной она ни казалась. Ограничивая различные детали мира, общий ракурс выделяет главное; он создаёт в первую очередь ту самую атмосферу безмолвия, царящую в предвкушении очередного сна.

Далее пойдёт неистовая борьба с самим собой, в виде перетягивания каната из стороны в сторону между мечтами режиссёра и суровой реальностью бюджета, заложенного для данной картины. Бюджетом всегда готова выступить память, страдающая от последнего погружения в другую реальность, обозначенную как сон. Не важно, с какими техническими ограничениями может столкнуться мой мозг, создавая этот танец. Ведь это самый настоящий танец света и теней, парадоксального сочетания хаоса и порядка, звуков и тишины, действий и ожидания. Это шёпот муз, чьи голоса слышны лишь тем, кто готов слышать и слушать, читая между этих строк. Это бесконечная игра слов, в которой рождается тот самый продакшн в нашей голове.

И только в финале этого круговорота событий появляется тот самый колодец людской памяти, дно которого обложено разрозненными фрагментами отснятой реальности. Постпродакшн завершает всё. Изображение, освободившись от оков разрозненности, обретает истинный смысл, словно распускающийся цветок мугунхвы, являя свою красоту этому миру. В это время совершается магия: из осколков рождается единое целое, способное вместить в себя бесконечность времени, удивить тебя самого и затронуть самые сокровенные струны души других, тебе подобных. Только пройдя через запутанные лабиринты небесных тропинок, можно прийти к чему-то столь реальному, как шёпот муз... Раскинувшиеся поля багряного гибискуса, словно бесчисленные нейронные связи, пронизывающие бескрайний мозг Вселенной, собирают воедино всё сущее, чтобы завершить рождение этого фильма, танцуя свой вечный танец на эстакаде времени и бытия.

Всё это — сложнейшая работа нашего мозга, происходящая за доли секунды. Миллиарды нейронов, словно неутомимые винтики, постоянно адаптируются, обновляются и сменяют друг друга, чтобы удовлетворить одну из важнейших потребностей человека: увидеть и понять этот фильм, жизненно необходимый для нашего восприятия мира.

Возвращая меня к реалиям дождливой симфонии, что сумела очаровать весь город и его окрестности, автомобильная пробка, так сильно растянувшаяся на километры взора передо мной, давала время подумать о том, каким образом мне удалось спровоцировать предыдущий сон. Приоритет я хотел бы отдать тому самому понравившемуся мне запаху свечи, что при-

вносил в мою душу определённые ассоциации. Однако вход в портал сна казался мне более запутанным, чем это являлось на самом деле.

В ходе непрерывных чередований педалей тормоза и газа, изображения, наполненные каменными столпами человеческого величия, плавно перетекали с локации на локацию, меняя свою структуру, цвет и общий облик. Повсеместные орды капель, магнитом притягивающихся к земле, будто обезличивали всё вокруг, давая понять, кто здесь главный. Обширная водяная топь, разраставшаяся благодаря дефектам деятельности обычных дорожных рабочих, рассеивала поток хаотично движущихся машин, так нервно пытающихся попасть на постоянное место дислокации в виде родной парковки.

**«Кинокамера всех нас превращает в туристов,
глазеющих на чужую жизнь или на свою собственную».**

Сьюзен Зонтаг (16.01.1933 — 28.12.2004)

ГЛАВА 2

Терракотовая дорожка

В Сеуле, что на расстоянии 6885 км от места, где осадки окутывают весь знакомый мне мир, стояла погода +15°C, ветер и временами мелкие обрывки капель воды, словно оплакивающие высотки-небоскрёбы, стоявшие повсюду. Тёмные тучи, укрывающие собой землю от солнца, игнорировали любые границы, придуманные человеком. В этом захватывающем и быстро меняющемся мегаполисе было своё видение мироустройства.

Ночью можно было увидеть рай неоновых вывесок и баров, так сильно разукрашивающих этот мир яркими красками, способными пополнить мозг необходимыми гормонами, блуждающие частички которых предоставляли тот самый возбуждающий эффект, накрывающий тебя состоянием внутреннего сгорания, ведущего к покою. Ночная дорожка озера Сокчхон, что находится в юго-восточной части Сеула, ночью предоставляла нейромедиаторам все полномочия для действий, составляя коктейль из безумных чувств, ветер которых перемешивал частицы радиоволн среди деревьев королевской вишни, наполнявших пространство в округе.

Опоясывающая душу тёмная вуаль создавала сладкую симфонию распада, слегка касаясь которой, самые сокровенные мысли обретали истинное значение, суть которого была выше понимания человеческого разума.

Дорожки терракотового цвета частями рассеивали горизонт, указывая на границу дозволенных мест, будто косвенно рассказывая миллионы поучительных историй, произошедших в окрестностях этого озера.

Фонари, эти маленькие соратники Эдисона, что находились во всех укромных уголках этой территории, отдавали свой свет озёрной глади с медленно дрейфующей волной, возникшей от тактовой частоты ветра.

Локация данного места была выбрана не просто. Она была подобна яйцу тутового шелкопряда, зарождающего начало радиоволны, способной сшивать множество историй воедино. Днём потоки людских душ, блуждающих по розовой завесе опадающих лепестков цветущей вишни замыслившимися взорами, неспешно скитались по своим делам. Люди почтенного возраста сидели на скамейках, обращая свои взгляды вдаль, будто просматривая старую пленку воспоминаний, бережно хранимую в их душе. Вместе с гаснущей зарей менялась и общая атмосфера вокруг происходящего. Вечером многолюдный постоянный трафик людской плоти часто составляли молодые пары, занимавшие небольшие скамейки в преддверии самых личных разговоров...

Ночную гармонию природной тишины нарушал топот ног нескольких десятков молодых людей, абсолютно не знающих друг друга, но дышащих в унисон одной идеей. Идея, собирающая этих людей воедино, рассказывала о важной тенденции, переходящей в массовую моду, скрывающую от сторонних глаз одним приложением.

Облачко по подписке

Днём сеульский ветер выполнял рутинную работу, сгоняя воедино миллионы перемешанных между собой молекул разной парфюмерии, что придавала особенность каждому обитателю этого мегаполиса, мечтавшему в потоке будней урвать свой кусочек счастья.

Реклама в Корее строится в первую очередь на доверии потребителя к бренду; рассматривая консервативный подход, применяются классические методы продвижения товара. В них, конечно, входит использование инфлюенсеров, взаимодействующих со своей аудиторией для активной рекламы товаров и услуг. Использование трансляции приёма пищи или задействование знаменитостей в виде айдолов разного разлива стали неактуальными и устарели.

Успешные компании, предоставляющие свою продукцию, старались использовать по максимуму не людей, а в первую очередь технологии для привлечения клиентов. Ведь люди становились неинтересными, предсказуемыми и навязчивыми, в отличие от технологий.

Технологии, разработанные Министерством обороны Российской Федерации для замены БПЛА, превратили проект «Стрисивер» во всемирный коммерческий инструмент для маркетинга, менявший облик всего. Всеобщая панорама происходящего в любом мегаполисе напоминала о рассыпанных небесных дарах науки, которая впервые в истории смогла впечатлить людей больше, чем сама природа. Выражений этого было великое множество. Представьте, как просто открыть свои глаза при рассвете, подойти к окну и улыбнуться. Ведь перед вами на высоте двадцатизэтажного здания открывается вид на самый настоящий парящий в воздухе туманный фонтан. Активируешь подписку мимикой (улыбкой) — и малое густое облачко просачивается через скрытые отверстия в окне, разработанные специально для этой технологии. Сонный и довольный жизнью потребитель, обволакивая парящее облачко ладонью, без особой сложности расширяет его в пространстве одним движением своей руки. Далее, когда закрываешь глаза и вдыхаешь этот слегка сладкий и прохладный воздушный пух, меняется всё. Пока человек ощущал свою эйфорию, его слёзы, сочащиеся из глаз, медленными струйками падали, словно мелкий временный дождь, обещавший утреннее тепло его внутреннему миру. Именно в этот момент человек физически и ментально проживал лучшие моменты в своей жизни, отрезки которой могли бы произойти на разных этапах его бытия, выбери он другой путь развития событий. Картинка за картинкой, льющиеся водопадом безумных эмоций, поднимая вихри наслаждения, давали всему телу реальные ощущения происходящего, подобие которого не могло не задеть самые дальние и забытые струны души. Далеко не все могли позволить себе такое новшество. Но те, кто мог, с огромной жадностью поглощали все варианты искусственно созданной памяти наслаждений, которые решили пропустить в то или иное время, выбрав другой путь развития событий... На перекрёстках дорог стояли специализированные рекламные шатры небольшой площади, привлекающие внимание своей особенной концепцией. Столешница стоящего в середине шатра стола состояла из семидесяти двух зеркал разного размера и выпуклости. На широкой кромке стола была вырезана надпись на корейском: «Ёль ахон», что означало девятнадцать. В каждом зеркале было абсолютно уникальное отображение одного и того же человека, чуть изменяя его внешний вид. Прикасаясь ладонью к каждому зеркалу, человек предоставлял согласие на использование технологии КК («Коснуться крови»), также основанной в России, которая в считанные минуты анализировала биохимическое состояние тела. Возле шатра находились всем привычные автоматы с косметической продукцией компании, модернизированные технологией управления жестами. Рядом стояла обычная стойка с бесплатными бумажными пакетами жёлтого цвета — для упаковки приобретённой продукции. Напротив стойки находилась урна желаний. Любой человек мог подойти к ней и напи-

сать на заведомо пропечатанном шаблоне открытки из жёлтой бумаги, что именно он хочет. В открытке было пропечатано следующее:

«Прошу исполнить моё желание, даже если оно возможно лишь на один процент», далее человек дописывал то, что хотел. Рядом с урной для желаний стоял бокс, в который покупатели бросали пустые использованные ими баночки с тёмно-синей эссенцией. Когда пустая использованная банка от мази попадала в бокс, распечатывался одноразовый временный код, дававший право на двадцатипятипроцентную скидку на товар, продаваемый в автоматах возле шатра. Стоящий рядом со столом роботавтомат выдавал каждому подходящему к нему зеваче брошюру в виде печатной газеты пожелтевшего цвета, с информацией в прошедшем времени, повествующей о конституционном референдуме Юсин. С другой же стороны брошюры были распечатаны все анализы человека вместе с рекомендованной для него продукцией этой косметической компании.

Каждый такой шатёр был покрыт изображениями полей растения тёмно-синего вперемешку с сиреневым цвета, называемого окопник лекарственный.

Над шатром размещалась рекламная инновация, обращающая взор далеко за пределы привычного восприятия человека. Парящие на зафиксированном месте лентикулярные облака будто смешивали внутри себя листики азиатской центеллы, плывущие по кругу. Ночью они меняли свой окрас с классического зелёного на ярко-синий цвет благодаря биолюминесценции. Конечно, эта технология работала по строгому графику, временами отключаясь, ожидая безопасного перехода пешеходов на другую сторону дороги. Сама же новинка являлась не просто обычной голограммой, а совершенно другой ступенькой в понимании технологического процесса.

Проходящие мимо даже не замечали сидящего рядом с шатром старика, улыбающегося всему представлению окружающего его мира. Надев широкие очки, он внимательно изучал белую книгу с изображением красного шелкопряда на переплётной крышке, случайно попавшую ему в руки. На левом стекле очков изнутри была слегка видна затёртая гравировка: «S.H.S». Одет он был довольно просто. О его мудрости, как и о доброте, которую он дарил этому миру, говорил его белый врачебный халат, сигнализирующий о действительно высокой ответственности его поступков, скрытых за завесой личных ценностей и убеждений. Глобальным новшеством, применяемым повсеместно, являлись стаи «Стрисиверов». Гигантский грозовой воротник небесно-красного цвета на голубом фоне, формирующий временами меняющуюся картинку рекламы больших корпораций, что переходила в затяжную небесную гладь, на высоте которой отчаянный человек изо всех сил бежал к своей единственной мечте...

Прячь всё то, что снаружи, показывая, что внутри

Инверсия пейзажной мысли, закрутив спираль до неузнаваемости, готова погаснуть раньше, чем сгореть. Ожидание прибытия облаков, что путешествуют по миру, оставляет тёмный след, заставляющий представлять то, что ранит нашу душу сильнее всего. Лёгкость человеческого восприятия мира, дарованного Богом, подобно облакам, удерживается в воздухе лишь восходящими потоками и силами, связанными со всем сущим извне...

Естественные белые коконы, проплывающие ровным строем рядов по небосводу, образуют мировой скафандр, будто нарочно отделяя нас от праведного луча забвения, уготованного плеядой.

Силуэт человека был хорошо виден на небольшом спуске к озеру, чьи окраины были спрятаны под лёгким одеялом белоснежной листвы, словно призывающей к единению человека с природой. Многоэтажные строения, заполняющие собой горизонты, ночью напоминали очертания световых столбов, приманивших к себе на поклон миллионы мотыльков. Подходя неспешным шагом к озеру, человек достал свою маску Тхальчхум из рюкзака. Надев её, он оглянулся по сторонам. Ночную тишину успокаивала лишь классическая музыка, спокойно отправлявшая звуковую волну через наушник в правое ухо человека, стоящего перед слегка качающимися деревьями королевской вишни. Тонкой шёлковой нитью идея, как и радиоволна, заманивала небольшую группу молодых людей к этому озеру. Каждый проходящий по террактотовой дорожке субъект надевал на себя маску, ведь его лицо, согласно правилам, должно быть скрыто от всех остальных. Каждый лучик нации был на единственной радиоволне, объясняющей время от времени правила данного закрытого сообщества. Ночные силуэты, что молчаливо прибывали сюда, собирались один за другим в частичной темноте. Одежда молодых людей была вполне хаотична, как и маски, надетые на них. Однако одежда всегда была новой, что всегда бросалось в глаза. Примечательным являлось изображение тутового шелкопряда, вытатуированное на шее каждого гостя, пришедшего на это ночное randevu. Однако оттенок изображения был у всех разным. Но никто никогда не придавал этому значения.

Лунное сияние нетронутой поверхности озерной глади переворачивало с ног на голову всё, что могло запечатлеть перед собой, рисуя полную зеркальность отображения. При этом фата-моргана приносила свою изюминку. Казалось, что молочно-розовые лепестки королевской вишни левитировали над озером, будто пытаясь уловить такт классической музыки, общим потоком транслируемой в сердца и уши собравшихся тут молодых людей...

Завершив молчаливый сбор, человек, появившийся в маске Хванина, осторожно двигаясь и в полной тишине раздал всем присутствующим по две восковые свечи и пустые банки тёмно-синего цвета из-под косметики. А затем просто исчез, уйдя по дороге, не оставляя никакого следа после себя...

Волшебство поёт в ночи, ты же знаешь, не молчи

Высотные строения, обступающие ночные дороги, являлись сосудами для отражения искусственного света, захватывающего всё, что не смогла окутать тьма. Временами зависшее изображение реальности разрушали движения и звуки шагов молодых людей, собирающих взглядом всё видимое пространство воедино. Не торопя временные отрезки настоящего, люди в масках неспешным шагом проходили по тёмным закоулкам пьянящего красотой города, держа в руках выданные им свечи. Сами свечи были с виду обычными. Однако еле заметные узоры на них были очерчены белыми нитями, напоминающими узор снежинки. Следовавшая за молодыми людьми тишина лишь изредка нарушалась лёгкими звуками шуршания одежды при неловком взгляде одного человека в маске на другого, стараясь угадать, кто за ней скрыт.

Когда они подходили к месту, которое казалось чернее темноты, радиоволна прерывала музыку, переходя на белый шум. Перцепция последующих манипуляций молодых людей проявляла в них отточенное понимание того, что необходимо сделать в данный момент.

Они доставали из карманов пустую ёмкость тёмно-синего цвета из-под косметики, в ней лежала заранее подготовленная открытка на жёлтом клочке бумаги. Взгляд в пустое пространство для одних являлся отблеском страха для других. Переглянувшись между собой глазами обречённых, молодые люди в масках, зажигая свои свечи, стали не спеша подходить к разлому. Разлом был похож на треснувший пополам кусок чёрного льда высотой в человеческий рост, из мелких трещин которого сочилась чёрная, как нефть, газовая материя. Мерцающие и пульсирующие воздушные потоки сжатого воздуха служили прочерченной границей объекта, который, расширяясь каждую секунду на несколько миллиметров, вводил в ужас людей, стоящих напротив него. Запах копоти и смрада, исходивший от разлома, пропитывал вонью всю одежду, которую в дальнейшем приходилось утилизировать. Поставив свечи в определённом порядке, люди в масках аккуратно клали на землю подготовленные банки. Чёрная сажа чернил из разлома тонкой струёй медленно тянулась к ближайшей свече, пытаясь потушить её. Когда же свеча тухла, сажа тянулась ко второй, потом к третьей. При достижении каждой свечи её пламя кристаллизовало текучую копоть, заставляя её части мелкими кристалликами всыпаться в объятия тёмно-синей банки, стоявшей рядом.

Спустя несколько минут на месте разлома материи нескольких миров, перемешивая частицы друг друга, создавали яркое поле из мельчайших объектов разных форм, поглощающих самих себя путём закручивания спирали до огненного вращающегося ядра. Ядро плавно растворялось до прозрачного дыма без лишнего шума, оставляя после себя лишь нагретое в округе пространство и выступающий пот, медленно стекающий из-под масок молодых людей. Переглянувшись с тем, кто стоял рядом с ним, один из молодых людей взял свою банку и неспешно пошёл к озеру. Второй же, вынув из кармана блокнот и карандаш, решил побыть на этом месте ещё какое-то время.

И один в поле воин

Человек, осознающий цену времени, воспринимает любой отрезок настоящего по-иному. Необратимые последствия выбранного жизненного пути иногда не могут тебе позволить изменить дорогу, даже если перед твоей собственной не видно продолжения...

Выйдя на одну из главных улиц Сеула, где потоками проходящие люди наслаждались ночным антуражем, молодой человек спешно снял с себя залитую потом маску, спрятав её в бумажный пакет. Неспешный прерывистый шаг, как и запах копоти, от него исходящий, сводил небольшие группы проходящих в его сторону людей между собой, чтобы обойти его стороной. Презрительные взоры проходящих мимо подчёркивали всю их брезгливость и нежелание даже узнать, необходима ли человеку помощь; их пустые глаза, тоскливо взирая, машинально смотрели только вперёд. Часть людей вообще не обращали внимания на странный запах от его одежды, просто вычёркивая проходящий мимо образ этого парня из головы, продолжая и дальше заполнять свои мысли желанными фантазиями.

Взгляд неспешно шагающего печального молодого человека был сфокусирован на постоянно меняющейся инфраструктуре ночного города. Пока одни были очарованы видом технологически совершенных обелисков этого мира, дающим столь резкую картинку волшебства, будоражащего человеческий мозг, другие же видели необратимую вежу реальности того, что поглощало умирающий мир...

Постоянно меняющийся мир снаружи плавно менял мир внутри людей. Монотонная классическая композиция успокаивала душу обречённого. Почувствовав резкую боль в руке и осознавая важность сделанного им выбора, парень заранее запечатлел карандашом в блокноте тоненькие белые нити, размывающие ярко-синие воздушные массы своей контрастной белизной на месте прошедшего разлома.

Когда он дошёл до своего дома, вся одежда, в которую он на тот момент был облачён, ушла в утиль, поселившись в нескольких мусорных пакетах. В скором времени отправившиеся в руки курьеру в чёрной текстильной маске пакеты с красным шершнем в виде логотипа были утилизированы специальной службой, прослушивающей ту же радиостанцию, что и остальные. Отходя от привычки использования классических напольных матрасов, парень с ожогом на руке, посмотрев на голографический датчик управления домом, решил попробовать новшество, выбрав опцию левитации во сне. После того как он лёг спиной на пол, тёплый сжатый воздух с особой осторожностью оттолкнул его тело на пять сантиметров от пола, оставив молодого человека просто левитировать на месте посреди комнаты.

Раннее утро наступило быстрее положенного, поскольку ожог на руке, активируя болевые ощущения, заставлял кожу всё сильнее чернеть.

Уже через полчаса молодой человек стоял возле одного из рекламных шатров и приобретал тёмно-синий флакон с эссенцией для лечения своего разросшегося ожога. Рядом спокойно сидел читающий старик, перелистывая страницу за страницей и время от времени с интересом всматриваясь в татуировку на шее молодого человека.

Кто ты? Герой? Или громоотвод?

Держа в перебинтованной руке зонт, молодой человек с татуировкой на шее стоял на перекрёстке дороги, вглядываясь в девушку. Её собранные в высокий пучок локоны оголяли тот же рисунок на шее, что был и у него...

Периферическое зрение молодой особы без толики стеснения заставило её повернуться к нему. Взирая с явным превосходством, она обратила внимание на медицинский халат, аккуратно сложенный в прозрачный пакет, находящийся в его руке. Слегка виднеющаяся синяя надпись «SNUH» на этом халате рассказывала о молодом человеке куда больше, чем его скромный взгляд, спрятанный за длинной чёлкой, в явном стеснении от её напора. Неловкое мгновение, которое тянуло перекрестный допрос глазами друг друга, заставило волей случая — резким потоком ветра — отбросить её хлорофилловый зонт довольно далеко в сторону. Парень уже смоделировал в своей голове резкий рывок вперёд, дабы предложить ей свой зонт, но момент был упущен. Девушка, прищурив правый глаз, отвернулась от парня. Надев наушники, полностью игнорируя капли дождя, летевшие с неба, улыбаясь, она пошла дальше через пешеходный переход. Забыв про свой улетевший зонт, она так и не обернулась. Стоящий на месте парень лишь тихо произнёс:

— Я — Чон Тэ Вон...

Изувеченные мысли падших людей порой страшнее любой реальности. Ведь профессия штатного психолога подразумевает способность принять на себя всю суть гнилых оттенков мыслей, зародившихся в других. Правильно подобранные слова готовы излечить пациента заходящего в кабинет психолога и при этом оставляющего там свой отпечаток личной грязи. Тэ Вон, вспоминая прошедшую ночь, никак не мог отпустить мысль о закономерности связей между своими пациентами и технологиями, так сильно менявшими человеческие постулаты. В погоне за ежесекундным состоянием блаженства люди всё больше и больше теряли человеческий облик. Милосердие и доброта могли проявляться лишь среди тех людей, которые сохранили более консервативный взгляд на вещи, отвергая определённые новшества, так сильно популяризированные в мире бесчисленной наживы коммерческих корпораций.

Находясь в больнице ранее днём, маленькая девочка, ожидавшая своего дедушку возле кабинета врача, от скуки подошла к Тэ Вону. Увидев надпись «штатный психолог» на его бейдже, она решила задать чисто метафорический вопрос, хаотично постучавшийся первым в её детский разум:

— Скажите, что может быть сильнее физической боли? Тэ Вон неспешно ответил:

— Только душевная, осязаемая как упущенная реальность, которую человек так или иначе не смог осуществить. Купив ранее в больничном автомате рисовый сок со вкусом бананового джема, Тэ Вон отдал его девочке, пытающейся понять мудрёный ответ врача, рисовавший в её маленькой голове множество вопросительных знаков разных цветов. Громоотвод в душе Тэ Вона пользовался особой популярностью среди пациентов, несмотря на его юный возраст. Ведь, помимо перенаправления молний, громоотвод может служить также и освещением, указывая путь заблудшим душам. Это и держало молодого парня на плаву, уберегая от чрезмерного выгорания, столь свойственного представителям этой профессии. При безумном ускорении жизненного бытия психологи стали временами важнее хирургов. Ведь многих врачей можно легко заменить, вложив в компьютер знания. А вот человека, хорошо чувствующего бьющееся сердце другого, готового пройти с ним рука об руку по самым тёмным закоулкам души, компьютеру невозможно заменить априори. В мире, где технологии преобладали во всех

сферах, человеческой натуре отводилось всё меньше места в социуме, где именно конфиденциальность могла служить оплотом личности. Раз за разом пропуская через себя все тяготы людского грехопадения, словно через сито, Тэ Вон будто отсеивал через своих пациентов дурные мысли, заменяя их надеждой на лучший исход сегодняшнего дня. В перерывах между приёмами пациентов он постоянно что-то записывал в блокнот, озаряя своё грустное лицо мягкой улыбкой, попивая горький чёрный кофе из воздушного стаканчика.

Надежда пациентов на исцеление от всевозможных психологических проблем раскручивала юлу рекомендаций других людей об этом молодом враче, не использовавшем никаких новых технологий, предусматривающих отсутствие личного общения с пациентом. На вооружении специалиста были только блокнот и карандаш. Надежда окружала и самого Тэ Вона. Понимая важность своей роли в обществе, он дышал надеждой полной грудью, зная о возможности нести своё бремя на обоих фронтах, вне зависимости от давления, присутствующего как внутри него, так и снаружи. Днём излечивая людские души, ночью исцеляя этот мир от пагубно странных технологий...

Двое смотрят в пелену, третий видит пустоту

Ткань реальности медленно разрывалась под подошвами миллионов человек, ходящих по ней. Старое полотно, держащее этот мир миллиардами шёлковых нитей, растягиваясь в моменте, создавало чёрные ледяные разломы, видимые далеко не многим. Это было похоже на один из тех процессов, что только начинали раскручивать спираль глобальных катаклизмов. Чернильные метастазы, окутывая землю в безмолвной процессии, тихо подкрадывались к ядру планеты. Животные, сходявшие с ума повсеместно, пытались хоть как-то достучаться до своих хозяев, так беспринципно игнорировавших их. Опынение способностью временно менять память на более благоприятную версию возможного вводило людей в будоражащий экстаз. Парящие в небе облачные сгустки технологического расцвета коммерции могли менять свой образ и рекламу в одночасье, завораживая своей красотой прихотливого зрителя. Даже реальные изменения в экологии как будто никто не замечал. Мелкие парящие лепестки сакуры, так покладисто отходящие от веток из-за потоков ветра, просто растворялись, соприкасаясь с землёй. Такие малютки, как ласточки и соловьи, становились очень редкими гостями в городских массивах. Эти птички боялись небольших стай искусственно выведенных людьми генетически модифицированных воробьёв, которые бесконтрольно заполнили всю округу. Питаться эти воробьи должны были только неперерабатываемым мусором, очищая мегаполис.

Однако со временем никто и не заметил, что такие модифицированные воробьи не гнушались также поедать мелких животных и птиц, обитающих между крупными артериями этого мегаполиса...

Впрочем, ночью воробьи являлись фоном технологической сказки, предоставляя напоказ прохожим людям свои пролетающие тельца с ярко-синим свечением, становясь похожими на голубые вспышки падающих звёзд. Повсеместная миопия приводила к состоянию эмоционального отрыва, отбирающего только самое выгодное предложение потребительского спроса.

Депривация массового психоза заставляла людей проживать этот мир только через призму надетых очков, и неважно, насколько сильно они искажали этот мир.

Чёрная кинетическая энергия, что, танцуя, вырывалась из разлома, плавно двигаясь, медленно рассеивалась по земле, кристаллизуя частями почву. Трава, земля, асфальт — всё белело, образуя подобие заледеневших оазисов мелких озёр, внутри которых временами мелькали силуэты. Повсеместные крупные трещины окутавших город зданий всё чаще и чаще появлялись в поле зрения людей, что были на одной радиоволне, надевая время от времени свои странные маски. Белая тонкая нить, как неведомая субстанция, заполняла пространство между трещинами строений, будто сжимая в тиски воздушными массами пустоту, временно сдерживающую глобальные разрушения.

Выброс корональной массы Солнца временами приводил зомбированных людей в чувство, выделяя энергию в атмосферу, тем самым вызывая магнитные бури на Земле. Они, в свою очередь, мешали многим технологиям корректно работать, вызывая у людей более сильную и необузданную головную боль, чем обычно. В эти моменты массовая безумная ломка парализовала чувство удовлетворённости, так необходимое, как свежий глоток воздуха, в каждой секунде бытия.

Крайне ограниченные в своём восприятии людские массы, движущиеся хаотично на перепутьях, со временем переставали реагировать даже на молочные дожди, оставляющие несмываемые полосы и пятна на одежде.

Некоторые люди, находясь среди общей массы, могли ощущать особую связь с другими подобными себе, понимая, что только они и такие же, как они, останавливаются, чтобы увидеть и осмыслить весь царящий ужас, происходящий наяву.

Классическую сцену антиутопии в реальности, что ветром развеивала белые капли дождя, окрасила милая улыбка молодой девушки, держащей зонт. Она остановилась прямо посреди дороги, внимательно всматриваясь в глаза прохожих, словно пытаясь понять что-то важное для себя. Её собранные локоны, аккуратно уложенные на одну сторону, создавали эффектный асимметричный образ, благодаря чему можно было разглядеть набитый узор, украшавший другую сторону шеи. Взор одного молодого человека, обращённый на неё, буквально заставил её пойти в атаку, дерзко развернувшись к нему для чётких объяснений. Общая картинка, представшая перед её глазами, передавала образ уже знакомого ей человека. Сделав вид, будто всматривается в пакет с халатом, который этот парень слегка придерживал рукой, она вспомнила его глаза. Радужка печали, сочетающаяся со зрачком надежды в его глазах, создавала образ человека в маске. Тот самый образ, что поздней ночью в молчаливой тишине сопровождал её со свечами в крошечной темноте.

Улетевший зонт обновил момент. Развернувшись спиной к нему, она надела наушники. Отходя от знакомых глаз, она улыбнулась, ведь за спиной ей было слышно:

— Я — Чон Тэ Вон...

Эта была та самая девушка, подарившая этому миру свой хлорофилловый зонт, изменив вибрации частот их сердец на этом перепутье...

На чистоте небесной маски

Путь наименьшего сопротивления замедлял этот мир и всё, что с ним связано. Винтики, что отвергали заводскую прошивку, восставали один за другим против организма, структура которого постоянно изменялась. Белый шум, временами транслировавший идеи, открывал совсем другое восприятие мира, в котором человек, прозревая, более не мог оставаться прежним. Так произошло и с Дасом Хан. С малых лет влюбляя в себя весь окружающий мир, позитивная вибрация её души изливала лишь солнечные лучи, окутывающие своим теплом всё в округе. Умение танцевать под проливным дождём отражало её беспристрастный характер юной писательницы, которая временами создавала цифровые комиксы, опираясь лишь на чувство любви, даровавшее ей утреннюю прохладу открытого окна в её квартире. Время от времени она любила рисовать праздничные открытки на разные темы, пряча в них конфеты. Чуть позже она, проходя по городу, раздавала их прохожим детям и старикам, улыбаясь этому миру, будто юное дитя.

Бестактный голосовой помощник ранним утром разбудил Дасом. Перед дверью лежала небольшая посылка с белым конвертом на ней. Эта посылка из года в год знаменовала собой обновлённый контракт на работу, которая была доступна далеко не всем. Запаянный со всех сторон конверт был из синтетического материала повышенной прочности, именуемого рипстопом. На уголке конверта виднелась гравировка: изображение красного тутового шелкопряда. По центру был установлен дактилоскопический датчик, рассчитанный на указательный палец. Отложив конверт и коробку на потом, Дасом устремилась на работу. Она работала администратором в одной гостеприимной косметической клинике, находящейся в пяти минутах от станции Каннам, что в районе Сочхо-гу.

Днём этого же дня один старик, гуляя со своей внучкой в тайном саду Хувон, ожидал старого друга, скрываясь от солнца под ветвями белой шелковицы, что более четырёхсот лет призывала к себе тутовых шелкопрядов. Этот седовласый старик, владелец довольно невзрачного магазина антиквариата, стоял, опираясь на белую трость, наблюдая за улыбкой внучки, пытавшейся поймать солнечных зайчиков, жуя при этом чёрную, как смола, жвачку. Старик держал трость в правой руке, при этом у него постоянно дрожал указательный палец. Глядя на разорванные облака, пожилой мужчина изо всех сил старался разглядеть в них то, что острым болезненным ударом отзывалось в его сердце, делая грубым его характер, наполненный недосказанными словами прошлого. В мыслях он возвращался к последнему вечеру, проведённому со своим сыном.

— Думаешь о сыне? — пробормотал его такой же старый друг, мужчина в очках, подойдя к нему сзади и всматриваясь в небо. Воспринимающий боль друга как свою, человек в очках лишь на мгновение взглянул на небо, кивнув головой, будто поздоровавшись с кем-то там, наверху. — Я принёс тебе мазь, — продолжил он, протягивая старому другу завернутую в белый платок тёмно-синюю банку, внутри которой находились мелкие чёрные кристаллики, похожие на капли вулканического ада.

— Этого должно хватить, благодарю, — ответил Со Чжун Юн, опираясь всё сильнее на свою трость. Он взял в руку банку, даже не взглянув на неё. Минутное молчание, наполняемое природными звуками танцующих листьев деревьев, колыхало чувствительность зрачков, что раскачивали мелкие солнечные лучи, пробивающиеся сквозь кроны рядом стоящих деревьев. Побыв немного в тишине, старики молча разошлись по сторонам, даже не переглянувшись между собой...

Позднее вечером Со Чжун Юн сидел за кассой внутри своего маленького антикварного магазина, что находился на улице, граничащей с сеульским народным блошиным рынком. Вглядываясь в огромную родинку на шее внучки, он размышлял о ней с того самого дня, как впервые увидел её. Родинка была похожа на тату в виде чёрной кляксы листа, разорванного наполовину. Желание отбросить связь с этим миром постоянно побуждало старика использовать услугу

«Облачко по подписке», чтобы снова увидеть сына. Однако маленькая милая девочка, что так неистово помогала своему деду в уборке плохо освещённого магазина, буквально заставляла его сердце замедлять сердцебиение, утешая его. Ежедневное метание души из стороны в сторону вызывало в нём дикую боль от рваной раны, напоминающей о потере сына, но благодаря внучке старик отчасти чувствовал его рядом с собой. Тишина и блики луны через витрину магазина наводили старика на мысль о необходимости последующей вербовки молодых людей, предоставляя необузданному будущему возможность выживания для человечества.

Ракурс на падающую слезу

Раскручивая Землю в обратном направлении на триста шестьдесят шесть дней вокруг своей оси, маленький комарик подлетел к окну, что было открыто нараспашку. Окно находилось в офисе молодого психолога, который пытался справиться со своими мыслями, игнорируя то, что он только что услышал. Проводя отработанный, как по книге, сценарий диалога между врачом и пациентом, Тэ Вон обратил внимание на белеющие глаза мужчины, сидящего напротив него, как будто тот временами терял сознание на толику секунды. Прерываясь в диалоге, пациент иногда задавал всё тот же вопрос: «Где я?» — будто ладонью пытаясь собрать частички своей памяти, медленно протекающей между пальцев рук. Политика жадных корпораций давила всеми возможными методами на министерство здравоохранения, исключая хоть какие-то предпосылки к изучению диагнозов, связанных с новыми технологиями.

Потеря памяти как побочный эффект была настолько распространена, что готовые электронные рецепты на необходимые препараты уже были сформированы заранее в больничном матричном кольце, которое, в свою очередь, было вшито под ногтем мизинца каждого новоиспечённого врача. По центру ногтевого ложа аккуратно лежал сверхтонкий чип, похожий на кольцо, по кругу которого вращались мелкие иероглифы, похожие на код. На персональном чипе хранились данные пациентов, постоянно подгружаемые с облачных серверов государства, чья предусмотрительность побуждала внимательно следить за каждым гражданином своей страны по отдельности. Мужчина, сидящий в достаточно напряжённой позе напротив Тэ Вона, пытаясь обуздать внутреннее волнение, рассказывал о своих чувствах, будто заранее подготовив текст в голове, ни разу не удосужившись даже взглянуть врачу в глаза. Пациент был рьяным игроком в азартные игры. Несомненно, он заметно нервничал. Знания об окне Овертона объясняли молодому врачу, что пациент, сидящий перед ним, отрабатывал заранее заученный сценарий общения с психологом, предоставленный ранее его коллегой из компании работодателя. Вся структура диалога сводилась к минимальному общению врача и пациента, альтернативой которой являлся рецепт на выдачу определённых препаратов. Ведь производитель медицинских препаратов находился в определённом кругу людей, среди которых был и сам работодатель пациента. Корпоративная этика великих мира сего предоставляла разные методы поощрения для отличившихся работников. Иногда в ход шли технологии, так популяризированные обществом. Грубые нарушения этических норм с привлечением «Облачка по подписке» между сотрудниками являлись лишь всеобщей внутренней игрой топ-менеджеров, явно издевавшихся над своими подопечными, становившимися в момент экстаза незащищёнными зомби, что находились на рабочем месте. Количество принимающих людей разных вариаций «Облачка по подписке» вынудило политические круги подписать поправку к закону, помогающую в реабилитации особо нуждающихся в этом людей. Людей, что совсем отбились от реальности, пытавшихся забыть эту реальность любыми доступными им способами, лишь бы очутиться в другой, волшебной версии своего мира. Хоть и на время...

Напротив слова «диагноз» психологи прописывали неформальное название «падающая слеза», обозначающее диагноз пациента, не желающего уходить от лучшей версии своего мира...

Пытаясь добиться хоть нескольких правдивых слов от пациента, Тэ Вон снова и снова проговаривал идею бытия, в котором каждый сделанный выбор являлся самым верным из возможных. Слезы молчаливого пациента играли то приливом, то отливом, когда он вслушивался в каждое слово молодого врача. Десятиминутное молчание прервалось стоном, ознаменовавшим прорыв дамбы, выбрасывающей эмоции пациента наружу, сметая всё на своём пути.

Затруднённые дыханием слова, разбитые на слоги, вели рассказ пациента во тьму рабочих будней, в которой молодой врач едва мог бы разобрать реальность произнесённого вслух...

Надежда, предоставляющая Тэ Вону внутренний покой, прививала ему определённые привычки, в которые входила привычка покормить кота, встречающего молодого врача на углу соседней улицы поздним вечером. Машинальное приобретение кошачьего корма в торговом автомате после напряжённого дня смывало с души Тэ Вона всю тяжесть и внутреннюю боль, несущую его мысли за пределы рабочей обстановки. Ему казалось, что, покормив бездомного кота, он компенсирует баланс весов, постоянно склоняющихся в пользу отчаяния, окутавшего его со всех сторон. Когда он дошёл до привычного места встречи с пушистым, из-за угла резко вышли двое людей в масках, немного срезав направление и обходя Тэ Вона. Запах копоти, шлейфом волочившийся за этими людьми, заставил врача нахмуриться и сузить глаза. Он обернулся, чтобы посмотреть ещё раз на проходящих мимо. Пройдя чуть дальше, молодой психолог заметил довольного кота, доедавшего дары других людей. Рядом с едой стояла ржавая чашка, наполненная водой. Погладив бездомного кота и обратив внимание на жар, пропитавший воздух в округе, Тэ Вон сделал зарисовку в блокноте, а затем пошёл домой...

На следующее утро, выходя из своего дома, Тэ Вон споткнулся об небольшую коробку с белым конвертом. Не ожидая никаких посылок, он забрал коробку и конверт с собой. Делая время от времени перерывы между приёмами пациентов, психолог никак не мог осмелиться вскрыть конверт и посылку. Внутреннее чувство горячей свечи всё сильнее и сильнее разжигало в нём мысль о важности этой посылки, будто заставляя его проявить инициативу, внушая всю поспешность пролетающего времени. Конец рабочего дня ознаменовала вибрация в мизинце от матричного кольца, проявившего голографическую памятку на руке. Закрыв кабинет изнутри и присев на рабочий диван, Тэ Вон приложил указательный палец к дактилоскопическому датчику на конверте. Потемневшие в моменте уголки белого конверта стали рассыпаться, будто жжёная бумага. Гравировка с изображением красного тутового шелкопряда, нанесённая на конверт, также потемнела. Молодой врач провёл пальцем по одному уголку конверта, и его кожа собрала остатки пепла, что растворились в одно мгновение в воздухе, наполненном тишиной, стоявшей в приёмном кабинете психолога. Внутри конверта была лишь старая визитка невзрачного антикварного магазина, хозяином которого являлся старик, некогда получивший от своего сына подарок на день рождения — великолепную белую трость. Следующей была коробка. Вскрыв её, Тэ Вон увидел тёмно-синюю банку, наполненную жидкой эссенцией. Рядом с ней лежала старая газета пожелтевшего цвета. На ней было напечатано короткое послание в виде инструкции. После звонка на определённый номер, как прописано в инструкции, на телефон пришла ссылка, благодаря которой Тэ Вон поспешно установил приложение. Запустив его, он автоматически попал на волну радиостанции с названием «@radiobc26161».

Ноты классической музыки, вещавшие свою историю Тэ Вону, навели его на мысли о том, что в каждое произведение добавлено что-то ещё, не предполагающее того, чтобы этого слышали отдельно. Глубокая ночная вуаль и разъедавшая его голову боль мельком напомнили ему об усталости, что наполняла его желанием как можно скорее закончить этот и без того слишком длинный день. Покормив по пути с работы уличного кота, он пришёл домой и спешно лёг спать... Раннее утро окатило весенний Сеул хмурыми облаками, которые временами рассыпали мелкие белесые капельки дождя, окрашивающие всё пространство в округе.

Несмотря на привычку не слушать музыку по дороге на работу, Тэ Вон подключил наушники к телефону, запустив через приложение ту самую радиоволну. Именно в этот день он впервые увидел белые капли дождя, заставившие его поверить в то, что это ему чудится.

Интерес, подпитываемый непониманием происходящего, толкал его снова и снова напрячь мозг, пытаясь найти логику в том, что прислали в этой коробке.

Он шёл по тротуару, и дождливое утро, принесшее антициклон, никоим образом не мешало Тэ Вону подготовить себя к походу в антикварную лавку. Скопившиеся у него за день

вопросы от размышлений то и дело перемешивались в голове, мешая составить чёткую структуру допроса в будущем. Позвонив в больницу, он отложил утренние сеансы на обед, стараясь как можно быстрее добраться до лавки, в руке держа найденную в конверте визитку...

Что знает человек о буднях старого кота? Простой, неряшливый и грязный,
Живёт на улице всегда

И пьёт любую воду из грязной ржавой чашки. Людские руки иногда теплом одаривают
тельце, Что, ночью в мусоре скребя, на завтра в виде пищи Ищет утешенье.

Пустые круглые глаза, не понимая человеческого обзора, Со всей отдачей и любя,
В объятья человека попадают с полуслова...

Интересные у Вас комиксы

Луна, свет которой подчёркивал красивую улыбку девушки, медленно переливала тени вокруг её уставших глаз. Возвращаясь домой, Дасом постоянно думала о парне, что так неуклюже пытался представиться ей. Она улыбалась, и поток прохладного ветра, столь несвойственный этому времени года, напоминал об ожидающей её посылке, которую она получала не впервые. Чувство любви ко всему сущему временами перебивало чувство страха, адаптирующего её глаза к происходящим изменениям в окружающей её материальной плоскости бытия.

Силуэты, мелькающие в малых заледевших озёрах, расстеленных кусками по асфальту, крайне резко реагировали на шаги, переходящие в топот ног, ускоряя Дасом всё быстрее и быстрее на её пути в сторону дома. Стараясь не наступать на попадающиеся ей обрывки кристаллизованной почвы, молодая писательница цифровых комиксов изо всех сил пыталась сделать вид перед встречными людьми, что она ведёт себя совсем не странно.

Ночной антураж переливающихся красок за окном всё больше и больше заставлял Дасом раскрашивать свои электронные страницы в разные цвета, при этом она иногда немного прищуривала правый глаз. Придавая восхитительные пейзажи альтернативной реальности, она будто помогала достичь своей цели своему главному персонажу, что, искренне веря в любовь, пытался снова и снова нырять в адово озеро, на дне которого он искал единственный процент частички счастья, уготованный ему Вселенной...

Решив сделать небольшой перерыв ближе к ночи, она присела на мягкий диван, расположенный по центру комнаты. Дасом решила запустить то самое приложение, функционал которого предоставлял пять опций на выбор.

Приложение называлось «Закрытая дверь». Крайне закодированное, оно подразумевало очень серьёзную разветвлённую автономность, перерастающую в хаотичную систему безопасности облачных данных, позволяющую заблокироваться при любом лишнем действии профиля.

Выбрав первую опцию, она запустила радиостанцию, уже знакомую всем зарегистрированным пользователям, называемую «@radiobc26161». Вторая опция была под незамысловатым названием «Повозка». Она предполагала вызов курьеров, которые забирали грязную одежду на утилизацию, осуществляя временами и другие функции, о которых не было принято говорить остальным участникам данной социальной сети закрытого сообщества.

Мало того, что третья функция была недоступна для нажатия, но также и не имела никакого названия. Значок с изображением полупрозрачного клубка из белой нити заменял какое-либо представление о слове, название которого должно было быть на том самом месте...

Опция, что была следующей, называлась «Система». Её главной функцией являлся полный сброс профиля без какой-либо возможности восстановления данных. Это можно было сделать как вручную, так и при условии того, что профиль не проходил каждодневную аутентификацию с приложением. Пятой опцией был хитрый чат для живого общения. Групповой чат с незамысловатым названием «Войд» постоянно оживлял интерес всех сидящих в нём. Обсуждая интересные события, происходившие в округе, о которых нельзя было рассказать своему обычному окружению, незнакомые между собой участники могли совершенно свободно делиться своим мнением и советами касательно того, чем они занимались.

Затемнённые пространственные пустоты, расслабляя нервную систему Дасом, всё сильнее и сильнее склоняли её ко сну, заставив на время забыть о коробке с конвертом, оставленную для неё ранее утром...

Открыв глаза, Дасом очутилась на том самом месте, которое видел её персонаж, окрылённый своей верой в любовь. Резкая боль в области груди чуть ниже ключицы застала её врас-

плох. Ведь, расписывая гигантский холст всевозможными красками, она не могла и предположить, что сама может погрузиться в его пространство...

Мимолётный испуг сменился безумной радостью и восторгом, ведь мир, в котором она оказалась, был полностью придуман ею. Мурашки, пробежавшие по всему телу, ликовали каждой частичкой невидимой энергии, что в одно мгновение растворяла проплывающие сгустки облаков, рассеивая их в пустоту. Слегка заметные потоки ледяного ветра, окутывающие её ноги, формировали ощущения благодати. Той самой благодати, что обдувает твои ноги морским ветром в момент, когда ты стоишь на раскалённом песке...

Серо-белая невесомость, окутавшая всё пространство, казалась ей уже не такой однотонной. Всё больше и больше всматриваясь в мелкие частицы окружающего её пространства, Дасом резко закрыла глаза. Мелкие капельки слёз, сочившихся из её глаз, наполняли сердце кровью, всё сильнее ускоряя его биение. Рецепторы отреагировали на порывы холодного ветра и сменили одно чувство другим. Морской бриз, резко бьющий в нос, сместил акцент на вестибулярное ощущение, что она стоит обеими ногами на деревянной доске, дрейфующей в открытом океане...

Это была та самая набойная ладья, что уже ранее фигурировала в её романе.

Открыв глаза, она увидела бескрайность водной глади, раскрашенной оранжевыми переливками солнца, меняющими свои оттенки с каждым изменением капиллярных волн.

Глухая тишина сопровождала собой спутанную мелодию этого мира, которая очень походила на примесь радиоволн, добавляемых в музыкальные произведения, заставляя смотреть на этот мир по-иному...

Молчаливое спокойствие безмятежного момента играло с девушкой мелкими наплывами тёмно-синих подводных течений, которые, убаюкивая, плавно раскачивали ладью, служившую ей оплотом в этот момент.

В скором времени в воде стали появляться мелкие воронки, что никак не смутило Дасом. Она не понимала, что происходит, однако была предельно спокойна. Поражённая реальностью написанного ею мира, она была уверена в том, что интуитивно могла сделать всё, что только захочет, находясь здесь. Тем временем мелкие воронки образовывались сначала десятками, а потом и сотнями за считанные минуты. Они раскинулись по всему горизонту водной равнины, и из воронок стали выплывать те самые баночки тёмно-синего цвета, что обычно бывали в ассортименте как у людей в масках, так и на полках рекламных шатров, демонстрирующих свою косметическую продукцию...

Поймав одну из подплывающих банок, Дасом аккуратно присела на корму. Обратив внимание на вычерченную надпись «Jeong», что была еле видна на внутренней части ладьи, она решила открыть банку. Та была наполнена живыми личинками тутового шелкопряда, которые, постоянно ворочаясь между собой, охраняли жёлтый клочок бумаги, лежавший на самом дне...

Аккуратно перевернув банку, Дасом подставила ладонь, пытаясь высыпать личинок. Однако все они начинали улетать вверх, будто сама гравитация работала в обратную сторону, отталкивая их. Пытаясь ухватить открытку, улетающую в направлении личинок, Дасом застыла. Ведь вида прекраснее, чем этот, её мозг не смел и вообразить. Мелкие капельки воды, отражая переливы всех цветов радуги, танцующая между собой и плавно перемешиваясь, вздымались вверх. Это было похоже на грозу, что, пропуская через себя все возможные оттенки доступных человеку красок, создавало эйфорию невероятного, безумного и невозможного цветного фона, испускающего миллионы капель дождя из океана прямо в небо...

Казалось, время замедлилось в разы, будто позволяя девушке внимательнее рассмотреть всё то, что мог выдержать её взор в эти минуты. Выставив левую руку за борт ладонью вниз, Дасом почувствовала капли, которые, обволакивая её руку в моменте и плавно лаская кожу, проплывали в пространстве дальше вверх, не оставляя после себя никакого мокрого следа.

Отпустив пустую банку, она выставила вторую руку и, сфокусировав свои чувства на тактильном ощущении, снова закрыла глаза.

Плавная, едва слышимая мелодия, создаваемая отрывами капель от водной глади, постоянно меняла свои ноты. Ускорение чередовалось замедлением, будто создавая в такт симфонию, специально подготовленную для нового антракта...

Далее прозвучал резкий щелчок пальцами...

Кто Вы? — Травник...

Проснувшись, как ей казалось, дома, Дасом улыбнулась. Ведь глаза её смотрели не на потолок, а на терракотовые облака, так похожие по оттенку на дорожки, раскинувшиеся возле озера Сокчхон. Мелкие жёлтые разрезы в небе отделяли оттенки терракота, будто разграничивая пейзаж, расслаивая хаотично плывущие сгустки розовой сахарной пудры, устилающей небесные просторы. Дасом лежала на земле, в самом центре поля. Раскинутый по всему бескрайнему пространству лекарственный окопник бледно-розового цвета рос вперемешку с ярко-красным гибискусом, чередуя объёмные плантации шелковицы, уходящие далеко за горизонт.

—

Долго будешь здесь лежать? — произнёс мужской голос.

—

А сколько можно? — ответила Дасом, не вполне осознавая, с кем она ведёт диалог.

—

Вечности хватит? — ответил мужской голос, становясь всё ближе и ближе.

—

А этого не много? — продолжила она.

—

Для нас — нет, для нас это лишь мгновение, — ответил он.

Подойдя к её голове, старик в белом врачебном халате и очках улыбнулся, посмотрев ей в лицо.

—

Наверное, мне стоит встать? — улыбнувшись в ответ, произнесла Дасом.

—

Наверное, — ответил угрюмо старик.

Неспешно поднявшись, Дасом отряхнулась. Слегка поклонившись человеку в белом халате, она задала вопрос:

—

Кто Вы? И что Вы делаете в моём мире? — произнесла она, не убирая с лица искреннюю улыбку, раскидывающую солнечные лучи, освещающие всё в округе.

—

Кто сказал, что этот мир — твой? — ответил он, немного удивившись. — Поможешь собрать мне немного трав? Мне нужны лишь листья, — сказал он, протянув ей жёлтый бумажный пакет, похожий на те, что раздавались в рекламных шатрах, раскинутых по центру Сеула.

—

Что будем собирать? — с интересом спросила она у старика, немного подмигнув ему.

—

А что хочешь? — ответил он, решив посмотреть на её реакцию.

Приняв от него бумажный пакет, она осмотрелась по сторонам. Нашупав пустоту в пакете руками, прищурив правый глаз, спросила:

—

Что в нем должно быть?

—

То, что ты положишь туда, то и должно в нем быть, — будто издеваясь над ней, посмеялся старик, ожидая её дальнейшей реакции.

Дасом задумалась...

Не осознавая важности выбора, она всмотрелась в старика.

—

Помогать мне собираешься? То, что время для нас остановилось, не означает, что я собираюсь тратить его лишь на тебя, — пробормотал старик, отвернувшись от неё и медленно отходя.

Закатав рукава белой и уже немного грязной блузки, Дасом, оглянувшись по сторонам, хотела окрикнуть странного старика, который уже успел пропасть из виду. Приоткрыв немного рот и набрав туда воздуха, она была готова крикнуть, однако молчала. Открыв бумажный пакет, она решила сорвать красный гибискус, при этом осознавая, что старик просил листья трав, а не цветов. Однако стоило ей забросить цветок в бумажный пакет, как всё резко изменилось.

Потемневшее до чёрной вуали небо намекало на взаимодействие с окружающей средой, путем ощущения статичности воздуха, как принято перед самой лютой грозой...

—

Пойдём со мной... — пробормотал старик, оказавшись за спиной Дасом.

—

Так кто Вы? — спросила она чуть более раздражённо.

—

Называй меня травником, — произнёс старик в халате. Она решила молча пойти за ним.

Следуя за стариком, Дасом то и дело оглядывалась назад, рассматривая аномалию в виде еле падающих капель воды вперемешку с темно-синими банками, наполненными личинками, разбивавшимися об землю.

—

Запомни: если наткнешься на жутких существ, то здесь они боятся дождя. В дождь здешние обитатели тебя не услышат, — произнес он.

Проигнорировав то, что он сказал, Дасом внимательно всматривалась в здешние пейзажи.

Выйдя на спрятанную тропу, еле проглядываемую между полями, они очень скоро вышли к гигантскому мосту. Мост был ей знаком, ведь именно она когда-то нарисовала его.

Возле моста стоял столб, на нем была надпись «Osud».

«Что-то новенькое», — подумала она.

Остановившись возле моста, травник повернулся к Дасом и молча указал пальцем на мост.

—

Мне нужно туда пойти? Одной? — спросила она.

—

А ты считаешь, не нужно? Мне пойти с тобой? — ответил уставший старик, немного усмехнувшись ей в лицо.

—

Может, травник, Вы объясните, где я? Разве это не мною созданный мир? Что вообще происходит? — с толикой раздражения проговорила она.

—

Происходит ровно то, что ты выбрала, — сказал он, бросив свой взгляд на бумажный пакет в её руке. — Иди уже, — с ухмылкой продолжил старик.

Неспешно пройдя гигантский мост, Дасом увидела, что дорога разделяется на две развилки, между каждой из которых стояли деревянные столбы. На столбе, что слева, была надпись «Кујов», а на столбе справа — надпись «Взепес». Не понимая написанного, Дасом пошла направо, ведь направление налево было размыто пространством, будто недогруженное пиксельное изображение, ставшее уже для кого-то неважным. Минуя залитые красным гибискусом поля, неширокая тропинка всё больше сужалась между чаще появляющимися зелёными

насаждениями, закрывающими собой кругозор. Идти было всё тяжелее и тяжелее, ведь тропинка вела постоянно наверх. Проходя шаг за шагом, Дасом осознавала, как её разум понемногу отрывается от реальности, и она будто всё сильнее слышала странное звучание мелодии, которую так привыкла слышать на той самой радиоволне, спрятанной в её избранном приложении. Подбираясь всё ближе и ближе к вершине, создательница цифровых комиксов резко почувствовала запах медовой свечи. Сладко впитываясь в нос, он раззадоривал сознание девушки, будто готовя её к чему-то более интересному, чем то, что она уже испытала. Когда она дошла до вершины, её взору предстало старое здание католической часовни. Раскинутые повсюду сектора виноградников, обволакивающих прилегающую территорию ниже часовни, разрезала пополам старинная дорожка, вымощенная камнями. Немного пройдя чуть вперёд, прищурив правый глаз, Дасом всмотрелась в два прозрачных, слегка видимых туманных силуэта. Они были похожи на маленькую собачку, сидящую рядом со своей хозяйкой, которая снимала на телефон проплывающие вдаль белоснежные облака. Почти одновременно услышав русскую речь, громко зазвучавшую в эхе пространства, силуэты девушки и её маленькой собачки поспешно растворились в воздухе...

Окружающая среда подняла в воздух часть пернатых, лениво отдыхавших на своих местах. Дасом не знала русского языка, однако совершенно отчётливо понимала, что за слова она слышала. Это были слова кричавшего от безысходности персонажа, чей мозг никак не мог синхронизироваться с сердцем, находящимся где-то в разломе восприятия, рассечённого пополам...

Затаив дыхание, она смотрела на раскинутые сектора виноградника, колышущегося под потоками ветра и пыли, расстилающими собою солнечные лучи, пронизывающие всё пространство сверху донизу. Дасом пыталась собрать общую картинку в виде пазла, но засевшие в голове мысли, словно фигурки в тетрисе, никак не хотели ложиться рядным строем, затрудняя восприятие происходящего.

Вспомнив про бумажный пакет, обременявший её руку все это время, она решила достать цветок. Однако в пакете была лишь открытка с шаблонным посланием, используемая в тех самых урнах для желаний, находящихся в рекламных шатрах, разбросанных по всему Сеулу.

— Хочешь прочесть? — пробормотал старик за спиной Дасом.

Пробежавший по её спине молнией холодок заставил её вздрогнуть, будто показывая окружающему миру небольшой испуг явно не ожидавшей гостя за спиной Дасом.

— А можно? — спокойно ответила она.

Продолжив стоять спиной к старику, она, развернув открытку, всмотрелась в неё. Текст был такой: «Прошу вернуть мою собаку, которая ранее была утеряна, её зовут Фионка, породы чихуахуа». Почерк был явно детский. Перед этим текстом было оставлено довольно много места.

Прочитав это вслух, Дасом неуверенно спросила у травника:

— И что, сбудется?

— А ты сомневаешься? — ответил травник, мягко улыбнувшись ей в ответ.

— Отпусти, — продолжил старик, опустив свой взгляд на открытку.

Вытянув левую руку вперёд, Дасом интуитивно разжала ладонь, будто точно зная, что необходимо сделать. Немного примята открытка, без единого намека на жар, будто сгорая в безмолвной тишине, медленно изменила структуру бумаги в пепел, который по частицам неспешно разлетелся по всей округе...

—
Не забудь открыть посылку, — пробормотал травник. —

—
Тебе уже пора, — добавил он вслед.

Повернувшись к нему, Дасом лишь успела услышать напоследок щелчок.

Резкий рывок головы вперёд чуть не заставил вылететь всё её тело с дивана. Не вставая с дивана, она посмотрела на окно. Солнечные лучи рьяно хотели окончательно разбудить её. Её глаза, буквально вдавливаясь в свои орбиты, ощущали их как раскалённое железо перед собой.

Никуда не торопясь, Дасом пошла умыться. Чистя зубы перед инерционным зеркалом, которое являлось настоящим новшеством в сфере домашнего быта, она медленно анализировала все фрагменты своего сна. Приложила руку к зеркалу, и зеркальное поле отсканировало часть руки. Появившееся изображение на зеркале было увеличено тридцатикратно. Встроенный ИИ, шедший в подарок на определенное время, в виде подарочной подписки, кратко выдал информацию об отсутствии каких-либо видимых дефектов на коже. Испытывая вполне неоднозначные и смешанные чувства, Дасом всё пыталась понять, куда завела её поездка в мир, который, как ей казалось, был рождён в её голове.

Если ты будешь как все, то кто тогда будет как ты?

Отдаляясь всё дальше от света и погружая свой батискаф всё глубже в бездну мыслей, Тэ Вон, сидя на рабочем месте, неспешно рассортировывал личные дела, используя голографическую проекцию больничного матричного кольца, вшитого под ноготь его мизинца. Множество интересных привычек, будто вибрации попури, окружали его временами одинокое сердце, цепляющее весь свой жизненный опыт за надежду. Окунувшись в вязкое болото воспоминаний, он взглянул на время, что снова заставило его напрячь мускулы лица; горько улыбнувшись в пустоту. «Ангельские числа», постоянно устраивавшие ему засады, снова и снова показывали одинаковые цифры на часах, тем самым предоставляя толику надежды на то, что его жизнь проходит не просто так. Прервавшее тишину оповещение телефона заставило Тэ Вона улыбнуться ещё раз. Однако эта вторая улыбка была настолько искренней, что сверкающие в глазах блики смогли окутать большую часть радужной оболочки и освещать глаза ещё какое-то время, обращая внимание его коллег на себя. Постучавшись в «Закрытую дверь» и пройдя ежедневную аутентификацию пользователя, Тэ Вон, надев наушники и купив пакетик кошачьего корма в торговом автомате, вышел из больницы.

Проходя по вечерним улицам Сеула, он прослушивал онлайн-трансляцию. Человек на другом конце радиоволны спокойно зачитывал желания обычных людей, которые были исполнены определённой моделью бытия, формирующейся в том числе и за счёт построенной системы взаимосвязи людей в масках, осознающих то, чем они занимались.

Проходя по улице Yulgok-го чуть западнее больницы, Тэ Вон наткнулся на старика, сидящего в старой одежде на скамейке с картонкой, прятавшегося от сторонних глаз. «Простой невзрачный старик с длинной седой бородой», — подумал Тэ Вон. Но, подходя всё ближе к старику, он заметил, что белый шум радиоволны становился всё сильнее, растворяя классическую музыку.

В руках старика был тот самый пушистый кот, который с удовольствием, вскочив, подбежал поприветствовать своего двуногого друга, принесшего ему пакетик кошачьего корма. Неспешно встав с картонки, старик босыми ногами подошёл к Тэ Вону. Слегка поклонившись, он молча прошёл дальше, протягивая за собой шлейф ледяного ветра, заставившего врача вздрогнуть. Проводив взглядом старика в обносках, Тэ Вон покормил кота, а затем присел на стоявшую неподалеку лавочку, чтобы сделать зарисовку в своём блокноте.

Присмотревшись к картонке, оставленной стариком, он увидел на ней надпись от руки — «Jeong», которую также зафиксировал в своём блокноте.

Сидя на деревянной лавке, переворачивая свои мысли, словно страницу за страницей, Тэ Вон решил зайти в общий чат социальной сети «Войд». Подгружая к каждому реальному профилю несколько сотен роботизированных ботов, система автоматически размывала возможность вычислить реальных участников, общающихся между собой. Групповой чат состоял из общей стены переписок вместе с ботами, сообщения которых, появляясь, сразу исчезали, чтобы не мешать реальным пользователям. Записывающий реестр общей стены кодировал слова в звуки и мелкие эмодзи, тем самым устанавливая дополнительную защиту при передаче данных. Вместо фотографий профилей использовались изображения масок, которые были надеты на каждом при ночных сборах. Вместо имён были разные никнеймы, похожие на беспорядочные наборы букв и цифр или нескольких слов, которые, на первый взгляд, не имели под собой никакого смысла. Вся информация о пользователях, кроме пола и дня рождения, была запрещена. Человек, владеющий правом администратора, был в маске Хванина и под ником Ким Донджин. Это был тот самый персонаж, раздававший свечи людям в масках, так же быстро появлявшийся между остальными, как и исчезающий среди них...

Бесконтрольно кружащие повсюду воробьи раскидывали свои ярко-синие тельца в ночном небесном поле, изображая собой яркие краски, при этом рисуя свои картины на уже раскрашенном холсте. Рассматривая проходящих людей, Тэ Вон, всматриваясь им в глаза, играл со своими мыслями, как бы представляя, что могли пожелать эти люди себе в виде исполнения сокровенного желания...

Проходящая в потоке женщина с двумя дочками несла на руках собаку породы чихуахуа. Из обрывков пролетающих слов психолог уловил наказ дочерям от матери, чтобы они больше не теряли Фионку из виду. Находясь под впечатлением от услышанного, Тэ Вон тихо улыбнулся. Слеза прокатилась по щеке. Ведь немного ранее эта собака фигурировала в списке исполненных желаний недавней радиотрансляции.

Когнитивный диссонанс всё сильнее вносил разлад в мысли врача. Создавая две версии происходящего в голове, он всё пытался осознать матрицу, в которой оказался его мозг. Верующий психолог временами раскачивал внутри себя всё сильнее и сильнее качели, расставляя по полочкам манускрипты противоречий между светскими знаниями и религиозными убеждениями. Эмпирические данные с одной стороны и концепция принятия Бога с другой расписывали изображения в его блокноте разными цветами, даже если он, создавая зарисовки, использовал лишь обычный карандаш. Мимолётное ретроспективное воспоминание, согревающее его сердце, вело к определённом жизненному эпизоду, подпитываемому изображением в его блокноте...

Когда ты действительно сильно чего-то хочешь, это может проявиться. Опустив левую руку на деревянную лавочку, Тэ Вон нащупал выцарапанную надпись «Jeong». Прикоснувшись к надписи, он на мгновение почувствовал ледяной ветер, окутавший его вперемешку со снегом, будто переместившись в совсем другое измерение ночной безумной зимы. Вздвогнув от ужаса, он убрал пальцы от надписи, тем самым снова оказавшись на улице Yulgok-ro. Шоковое состояние заставило его резко встать с лавочки и отойти на пару метров, внимательно посмотрев на объект общим планом. Повышая частоту сердечных сокращений, адреналин заполнил собою организм.

Оглядевшись по сторонам, Тэ Вон медленно подошёл к лавке, настороженно присев. Только сейчас он заметил, что его одежда была в растаявших каплях снега. Расположив указательный палец в нескольких сантиметрах от надписи, он закрыл глаза. Аккуратно провёл пальцем до выреза на лавке, и пронизывающий холод окутал всё его тело. Медленно вдыхая морозный бриз, он ощутил насыщенный и в то же время сладкий запах медовой свечи, который, легко впитываясь в его одежду, встал комом в горле. Не прошло и нескольких минут, как его щёки порозовели: включилась защитная реакция организма: кровеносные сосуды, будто на извилистой дороге, то сужались, то расширялись. Мелкие ледяные демоны, соприкасаясь с его кожей, понижали температуру организма, тем самым предоставляя терморепцепторам холода чувство укуса сотен пчёл по всему телу. Почувствовав прикосновение кончиков чужих волос к своему лицу, Тэ Вон открыл глаза, сразу приподняв левую руку. Жжение по всему телу давало реакцию резкой смены температуры, отогревающей тёплыми потоками воздуха заледеневшее тело в сильно промокшей одежде. Сидя в шоковом состоянии и с широко раскрытыми глазами, Тэ Вон посмотрел на проезжающий автобус синего цвета, увидев в нём Дасом, которая никак не планировала отводить от него взгляд, непрерывно смотря ему в глаза, машинально удивлённо улыбаясь, сидя у окна в автобусе...

Белый потолок, свисая над головой, рассеивал потоки солнечного света, предоставленного чистой природой. Запахи цветения зелени, перемешиваясь со звуками искусственного журчания ручья, разбудили Дасом, лежащую на больничной кровати.

— Долго будешь здесь лежать? — произнёс мужской голос.

А сколько можно? — ответила Дасом, немного запинаясь, будто что-то вспоминая.

—

Вечности хватит? — продолжил мужской голос, раздающийся всё ближе к её кровати.

—

А этого не много? — произнесла она, поймав себя на мысли, что этот диалог ей знаком.

—

Для нас — нет, для нас это лишь мгновение, — ответил мужчина в белом халате.

Подойдя к её голове, старик в белом врачебном халате и очках улыбнулся, посмотрев ей в лицо.

—

Наверное, мне стоит встать? — улыбнувшись в ответ, произнесла Дасом, вспоминая лицо этого мужчины.

—

Наверное, — ответил вежливо травник, держа в правой руке белую книгу.

Неспешно поднявшись, Дасом поприветствовала травника, небрежно поклонившись.

—

Вы же травник, верно? Что со мной? — кротко произнесла Дасом, чувствуя, как голова немного кружится и тяжело дышать, произнося слова. Она пыталась рассмотреть надпись «SNUH» на врачебном халате, которая была размыта в моменте перед её глазами.

—

Травник? А что с тобой? — ответил он, немного удивившись. — Твои показатели в норме, приляг, отдохни, я позже зайду, — продолжил он.

Аккуратно присев на больничную кровать, она взглянула на свои руки. На больничной тумбочке, находившейся рядом с её кроватью, стояла ваза. Она была наполнена водой, поддерживающей собою жизнь одинокого красного гибискуса, распустившего свои лепестки так красиво, насколько это было возможно.

Напротив больничной койки на белоснежной голой стене висела одна картина. На ней была изображена часовня святых Флориана и Себастьяна, что раскинулась на высоком холме, окружённом в нижней части виноградными кустарниками, присущими здешним землям. Рядом с часовней росло дерево, охраняющее вход от нечестивых. Девушке казалось, что картина была пропитана запахом медовой свечи. Засмотревшись на картину, Дасом задумалась. Перемешивая изображения в своей голове, будто стопки праздничных открыток для детей, она взглянула на окно. На подоконнике стояла банка тёмно-синего цвета, давно знакомая ей. Она была давно в пыли. «Странно, что её никто не убрал», — подумала Дасом. Неспешно встав с кровати и подойдя к окну, Дасом взглянула на вполне привычный вид городской инфраструктуры. Не придавая никакого значения отклонениям окружающего мира, в котором она находилась, она решила узнать, что внутри банки. Приоткрыв её крышку, Дасом достала клочок смятой жёлтой бумаги, вырванный из блокнота и расписанный обычным карандашом. Написанное от руки содержало следующие строки:

Песок затишья виден алфавиту. Взирая на вибрацию волны,

Ты в каждой прерии песчинка,

Что гладью ветром проплывает у реки. В небесной пыли затерявшись,

Мы все летаем, как пыльца. Неважно время и пространство. Моя волна — лишь для тебя.

И невзирая на препятствия, Плевать на все мирские чудеса. Я на ладье через пространства

Достигну рано или поздно эти берега, Где всё неясно и туманно,

Где видел мельком я тебя.

Ведь ты — моё великое богатство, Окутавшее небом наши берега...

Неспешно прочитав содержимое клочка бумаги, Дасом снова задумалась. Осмотрев больничную палату, она подошла к двери, чтобы выйти. Остановившись перед дверью, услышала детский голос в прихожей снаружи. Голос маленькой девочки навязчиво задавал вопрос врачу, который, устало улыбаясь, отвечал ей. Когда Дасом услышала детский голос, который произнёс: «Что может быть сильнее физической боли?» — у неё ещё сильнее закружилась голова. Вскоре она потеряла сознание.

Очнувшись, сидя в автобусе, везущем её по улице Yulgok-ro, Дасом, зевая, рассматривала хаотичные виды за окном. Потоки разных людей, пульсируя в виде сгустков вибраций, прошивали пространства своими хаотичными движениями, полностью игнорируя белые ледяные оазисы, захватывающие собой всё больше и больше территорий в округе, не давая городскому асфальту и шанса на свой обыденный внешний вид.

Вид за пределами автобуса медленно изменялся, плавно прикрывая уставшие глаза Дасом, провоцируя режим сонного паралича. В один миг через закрытые веки девушка увидела яркую вспышку, заставившую её подпрыгнуть на сиденье, тем самым немного напугав остальных пассажиров в автобусе. Режущая боль в глазах сдавливала веки, буквально призывая организм к скорой бодрости, чтобы войти в состояние боевой готовности. Посмотрев на реакцию остальных пассажиров автобуса, в сонном состоянии она забыла, что не всем дано видеть то, что видят те, кто исполняет желания других, порой жертвуя собой. Ночное небо, прорезая чёрно-серую картинку подаваемого в мозг фильма, определило фокусировку на деревянную лавочку напротив автобуса, светящуюся ярко-синей белизной, размывающей воздушные массы вокруг себя. Интуитивно почувствовав волнение в груди, Дасом машинально прищурила правый глаз. Внимательно присмотревшись к пустой деревянной лавочке, она вдруг заметила на ней человеческий силуэт, похожий на те, что, мелькая в белых залеживаниях на дорожном полотне, реагировали на проходящих рядом, но не замечающих их людей. Стоило ей немного отвести взгляд, как яркий силуэт, ещё сильнее засверкав, резко погас в ночи. Попросив водителя притормозить на ближайшей остановке этим поздним вечером, она вышла из автобуса и стремительно побежала в сторону деревянной лавки...

Сигнал бодрствования. Реприза

Говоря со звёздами в ночи, Ты молча ищешь тишины. И невзирая на ответ,
Тот самый свет, что в звёздах там мерцает, Ночную тьму собою озаряя,
Репризу счастья раскрывает,
Твою вибрацию смотря.
По воле сущего любя,
Ты молча в небо наблюдаешь,
С заветным откликом тая, Что мысли все твои — вода:
В ночную тьму потоком вытекая, Пустым сосудом делают тебя...

Сидя на своём любимом деревянной кресле-качалке и укрывшись пледом, Со Чжун Юн смотрел передачу на голографическом проекторе старого образца. Многие годы он выражал таким образом свою консервативность как особый вид бунтарства, не желая рассматривать любые новшества в бытовой сфере, включая очки дополненной реальности, придававшие частично осязательные функции человеческому мозгу, что ныне были в каждом доме. Смотря нелепые, а порой вполне пугающие телепередачи, он иногда посматривал на старый соседний диван, воспроизводя в своей голове видеоплётку: образ сидящего сына, постоянно рассказывающего о своих студентах на работе. Изредка смотря на время, ожидая прихода внучки из школы, он аккуратно вынимал из-под пледа тонкую силиконовую трубку, обычно используемую в медицинских целях. Начало трубки обитало в графине, заполненном мутной жидкостью, который стоял на полу неподалёку. Высотой в два метра бутылочница, охватывающая почти всю стену до потолка, была забита пустыми бутылками из-под соджу, внутри которых находились открытки с пожеланиями от разных людей. Это наводило на мысль о том, что, помимо плавающих кусочков льда, арбуза и лимона, в состав входило также и спиртное, весёлым коктейлем обитающее в графине. Медленно раскуривая черничную сигару, старик время от времени посмеивался над мечтами и фантазиями одной корейской поп-группы, транслируемыми на местном ток-шоу.

Суть передачи заключалась в том, чтобы путём живого голосования зрителей выяснить, кто из восьми участников популярной корейской музыкальной группы, состоящей из парней, соответствует критериям добропорядочного человека, готового раскрыть свои мысли и фантазии, применив определённую версию облачка по подписке. Каждый из участников этой группы по очереди садился на специальный стул. Определённые электромагнитные стержни, находящиеся рядом со стулом, заполняли мелким дымом носовую полость, вводя испытуемого в глубокий искусственный сон. Далее картинка от первого лица транслировала сознание человека и реальные ситуации из памяти прошлого, показывая, как человек вёл себя в той или иной ситуации. Конечно, это делалось напоказ. Личные разговоры, внутренние переживания, сокровенные мысли и неловкие моменты — всё это интересовало публику, стремящуюся вывернуть жизнь подопытного человека буквально наизнанку. Размытое восприятие внутреннего «я» — это всё, что оставалось у каждого участника после съёмок, как и горечь от пустоты, обитающей в его сознании. Услышав звук открывающейся двери, Со Чжун Юн, резко потушив сигару, обернулся. Увидев внучку, он обратился к ней хриплым голосом:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.